

ТАЙНЫ
ЗНАМЕНИТЫХ
ГОРОДОВ

ВАДИМ БУРЛАК

МОСКВА ПОДЗЕМНАЯ

История. Легенды. Предания

Вадим Николаевич Бурлак
Москва подземная. История.
Легенды. Предания
Серия «Тайны знаменитых городов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17036054
Вадим Бурлак. Москва подземная. История. Легенды. Предания: Вече; Москва; 2006
ISBN 978-5-9533-3152-4, 978-5-4444-8308-4

Аннотация

Известно, что города растут не только ввысь и вширь. На Руси в старину говорили: «Чтобы город крепко держался, ему надо вращать в землю». Москва не исключение. С первых лет основания ей были необходимы колодцы с питьевой водой, подземные тайные лазы, места укрытия во время вражеской осады, подвалы для хранения продуктов и ценностей, каменоломни... Словом, тысячи и тысячи москвичей во все времена были связаны с подземным миром столицы, который из года в год расширялся и углублялся.

Книга В. Бурлака предлагает читателям увлекательное путешествие по таинственным подземельям Москвы.

Содержание

«Чтобы городу крепко держаться»	5
«Гляди, звезда, из недр земных»	10
Воды чарующая сила	25
Целительные силы подземелья	25
Сокровища московских подземелий	31
«Ищите в подземельях»	31
Оберег с Беломорских берегов	49
Похождения «Фиолетовой удачи»	61
Московский мастер Щелка	77
Тайна гагаринских сокровищ	83
«Макар прошел – чью-то душу увел»	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Вадим Бурлак
Москва подземная
История. Легенды. Предания

© Бурлак В. Н., 2006

© ООО «Издательский дом „Вече“», 2006

«Чтобы городу крепко держаться»

*Мы знаем, москвичи, в Москве Москву другую!..
Трепещет сердце, рвется грудь,
Когда мы вспоминаем про родную!
Про ту Москву, Москву былую...*

В. С. Филимонов

*Вы дивитесь, что мы славим
Нашу древнюю Москву,
Что высоко в песнях ставим
Царства русскую главу!*

.....

*Духа русского твердыня
В смутах, в пламени жива,
Веры, древности святыня,
Где другая есть Москва?..*

М. А. Дмитриев

«Дурацкая карта»

Еще один поворот. Снова ступеньки вниз. Несколько неуверенных шагов – и мы не сговариваясь останавливаемся.

Что-то внезапно изменилось в этом подземном мире. Два луча фонариков лихорадочно ощупывают каменные заплесневелые стены, скользкий пол, покрытый вековой грязью, низкие обветшавшие потолки. Вроде бы ничего нового...

Наконец осенило. Тишина! Только что доносились громы ханов, гудение каких-то механизмов, равномерное металлическое лязганье. Теперь все это осталось где-то выше, за поворотом. Мрак подземелья победил звуки большого города.

Но тишина оказалась не абсолютной. Совсем рядом слышалась монотонная капель, журчание какого-то водостока и едва уловимое завывание. Словно ветер заблудился в глубинах московского подземелья и никак не мог отыскать выход.

Но откуда здесь взяться ветру?

– Ну, и что дальше? Мы не сбились с пути?.. – нетерпеливо интересуюсь я и не узнаю свой голос. Он кажется глухим и зловещим.

Саша Сазонов ничего не отвечает и в который раз достает из кармана штормовки сложенный в несколько раз листок.

Лучи наших фонариков застывают над замысловатой схемой.

– Дурацкая карта, – ворчу я.

– Какую дали, – невозмутимо отвечает Саша и добавляет, – а мы, кажется, уже на месте.

Я недоуменно огляделся.

– Ну и где же этот «затерянный во тьме»?

Саша посмотрел на часы.

– Подождем тридцать – сорок минут. Не явится – будем возвращаться.

И потянулось томительное время. Во мраке его ощущаешь по-иному. Кажется, стрелки часов замедляют ход или вовсе приостанавливаются.

Придет ли на встречу «затерянный во мраке»? А может, его и вовсе не существует? И эта непонятно кем сделанная схема московского подземелья, и «сигнал» в райотдел госбезопасности – чья-то дурацкая шутка?

Затерянный во мраке

Тогда, в 1969 году, генерал-лейтенант ФСБ Александр Сазонов был еще просто лейтенантом и служил не в центральном аппарате, а в Свердловском районном отделе госбезопасности Москвы. Но и в двадцать с небольшим лет его трудно было поймать на удочку шутника.

«Сигнал» поступил от информатора.

В московском подземелье, чуть ли не с сорок первого года, обитает человек. Скрылся там, чтобы не попасть на фронт. С той поры на белый свет не показывается. Во-первых, боится уголовного наказания, а во-вторых, организм его так привык к подземелью, что на поверхности он задыхается, а в глазах появляется нестерпимая боль.

Возможно ли такое?

Бомжи, ночующие в московских подземельях, прозвали его Затерянным во мраке. За многие годы он досконально изучил свою необычную среду обитания. Продукты, одежду и лекарства добывал, проникая в подземные склады.

В последнее время Затерянный серьезно болел. Возможно, предчувствие близкой смерти привело его к желанию покаяться и раскрыть властям кое-какие тайны московских подземелий. А их он познал немало.

Так Александр Сазонов получил предложение встретиться и схему, составленную Затерянным.

На вопрос, может ли человек более тридцати лет обитать в подземелье, специалисты отвечали, что такие случаи в истории бывали.

В общем, стоило проверить сообщение информатора.

Сопровождать Александра я согласился сразу. С одной стороны, у меня имелся кое-какой опыт исследования всевозможных подземелий, а с другой – в московских мне еще не приходилось бывать. В то время я знал о них лишь по замечательным очеркам Владимира Гиляровского.

Увы, таинственная встреча не состоялась. Раздосадованные, мы с Сашей вернулись в подвальное служебное помещение гостиницы «Интурист» на Тверской (тогда улица Горького), откуда началось наше незадачливое путешествие.

Так завершилось мое первое знакомство с подземным миром Москвы, после которого я стал изучать его историю, собирать рассказы тех, кто в нем побывал.

А спустя несколько лет я узнал от столичных спелеологов, что человек по прозвищу Затерянный существовал на самом деле. По слухам, ему действительно удалось раскрыть многие тайны московских подземелий. Но какие?.. Успел ли он поделиться своими знаниями? Куда подевался? Как завершился его путь?

Вопросы пока без ответа.

С давних времен

Почти у всех народов мира хранятся легенды, связанные с подземельями. Даже у тех, кто веками заселял пространства, где вовсе нет пещер.

В науке долгое время бытовало мнение, что древний человек начал поселяться и осваивать пещеры лишь в период наступления ледников, в мустьерскую эпоху, то есть примерно 100 тысяч лет назад.

Немецкий ученый Гуго Обермайер в своей книге «Доисторический человек» писал: «Человек шелльской эпохи является охотником, свободно странствующим среди природы, отличавшейся умеренным климатом.

Более суровый – степной климат ашелльской эпохи также лишь в редких случаях заставлял тогдашних кочевников отказываться от такого свободного образа жизни, и становящихся им еще всюду устраивались либо среди открытых степей, либо по опушкам лесов, либо у подножия защищающих от ветра отвесных скал. Лишь наступление мустьерской эпохи с ее суровыми, характерными для ледникового климата условиями заставило человека искать на продолжительное время убежища в замкнутых пещерах...»

Прошло несколько лет после выхода книги Гуго Обермайера, и вот китайский археолог Пэй Вэнь-Чжун своей находкой опроверг мнение о времени освоения подземелий древним человеком.

Примерно в пятидесяти километрах от Пекина, в запутанных пещерах возвышенности Чжоукоудянь, были обнаружены стоянки так называемого «китайского человека» – синантропа.

Возраст этих поселений – более полумиллиона лет.

На огромных просторах

Впоследствии находки, не только в Китае, но и в других частях света, подтвердили гипотезу, что человек заселял подземный мир задолго до мустьерской эпохи, на протяжении всего четвертичного периода. По одним данным, этот период начался 1 миллион лет, по другим – 600 тысяч лет назад.

Русский ученый Сергей Замятин отмечал: «... характер распространения палеолитических находок в пещерах позволяет утверждать, что на протяжении четвертичного периода на огромных просторах Старого Света, во много раз превышающих территорию Европы, последние заселялись первобытным человеком, вне всякой зависимости от похолодания.

Пещеры в одинаковой мере использовались и в приледниковых областях, где похолодание определенно имело место, и там, где оно не сказывалось и не могло сказываться. Можно сказать определенно, что человек устраивал поселения в пещерах всюду, где он только их находил».

Освоение подземелий чаще всего сопровождалось борьбой древних людей с опасными хищниками. Обитателями «темного мира» в те далекие времена были пещерные львы, медведи, гиены, саблезубые тигры, которые значительно превосходили по силе и размерам современных зверей.

Благодаря использованию огня, каменных орудий, умственному развитию и навыкам охотиться группами победителем за пещеры стало человечество.

И цивилизация, и школа

Период освоения людьми подземного мира и превращения его в место обитания можно назвать не просто особым периодом, а целой пещерной цивилизацией и даже пещерной школой всего человечества. Не менее важной, чем школы освоения огня, каменных орудий, гончарного и кузнечного ремесла. Не прошедшие ее племена скорее всего вымерли во времена оледенений или, по крайней мере, замедлились в своем развитии. Им на смену, и часто вытесняя их, приходили племена, прошедшие пещерную школу жизни.

Конечно, нельзя сравнивать культуры синантропа, жившего более полумиллиона лет назад, и обитателей пещер, средневековых отшельников, имевших большое различие и в умственном развитии, и в физическом строении. И все же подземелье воздействовало на человека любой эпохи своей своеобразной энергетикой, обязывало постигать и выполнять законы обитания в пещере. Не случайно у некоторых народов пещеры назывались «школой мудрого мрака».

Чему научила эта «школа» человека? Прежде всего, на какое-то время она делала людей оседлыми. Как правило, захватившие пещеру жили в ней до той поры, пока в округе хватало питьевой воды, необходимой для пропитания животных и растений. Одни племена могли оставаться на месте дни и месяцы, другие, при благоприятных условиях, – многие годы.

Благодаря пещерам у древнего человека стало больше свободного времени. Не надо было каждый день выбирать пригодное безопасное место для ночлега, заново добывать огонь. Пещеры также позволяли хранить продукты питания в естественном холодильнике и накапливать материальные ценности, которые во время кочевой жизни надо было таскать с собой.

Высвобожденное, благодаря пещере, время можно было употреблять на совершенствование орудий труда, одежды, приготовление пищи.

Но стихийные бедствия, резкие изменения климата, исчезновение вблизи пещер необходимых для пропитания животных и множество других факторов заставляли древнего человека сниматься с обжитых мест и снова переходить на какое-то время к кочевой жизни.

Но это уже были совсем другие люди – прошедшие «школу мудрого мрака».

В краю московском

Считается, что в нашей столице и Подмоскowie более тридцати пещер, сотворенные природой и человеком. Естественным путем они образуются из-за вымывания и растворения известняковых горных пород. Большинство пещер московского края – это заброшенные каменоломни. Много веков назад человек начал добывать известняк для строительства. Из белого камня возводили дворцы, храмы, кремлевские стены, оборонительные сооружения нашей столицы и Подмоскowie.

С годами из-за воздействия геологических и климатических факторов заброшенные каменоломни превратились в большие запутанные пещеры. Одной из крупнейших в нашем крае является Сьяновская. Расположена она в районе аэропорта Домодедово. Белый камень там стали добывать примерно в XV столетии.

Некоторые спелеологи считают Сьяновскую пещеру самой большой не только в московском крае, но и во всем мире. Но пока никто не может точно указать ее протяженность. Называют 17, 30, 46 и даже 300 километров. Однако, даже самая большая, названная московскими исследователями, длина этого подземелья значительно уступает знаменитой Мамонтовой пещере в США. По новым данным американских ученых, связанные между собой подземные системы Ридж и Мамонтовой составляют более 530 километров.

О Сьяновских лабиринтах существует немало преданий и слухов. По мнению некоторых спелеологов, Сьяновская пещера соединена с московскими подземельями. Еще в двадцатых годах прошлого века группа энтузиастов попыталась пройти запутанными ходами путь от Кремля до заброшенных каменоломень села Сьяны. Исследователи спустились под землю в районе улицы Варварки, но больше их никто уже не видел. Так и осталось мрачной тайной: что же с ними случилось?..

Простит ли земля?

Давно уже в Москве переплелись и стали зависимы друг от друга подземелья – рукотворные и естественные.

Известно, что города растут не только ввысь и вширь. На Руси в старину говорили: «Чтобы город крепко держался, ему надо вращать в землю». Москва – не исключение. С первых лет основания ей были необходимы колодцы с питьевой водой, подземные тайные лазы, места укрытия во время вражеской осады, подвалы для хранения продуктов и ценностей, каменоломни... Словом, тысячи и тысячи москвичей во все времена профессионально и на бытовом уровне были связаны с подземным миром столицы, который из года в год расширялся и углублялся.

У земли хорошая память, – считают знатоки древних тайн. Потому они и обеспокоены: простит ли земля человеку то, что порой неразумно он вторгается в ее недра.

Строительство и эксплуатация метро, спецобъектов и бомбоубежищ, коллекторов и гаражей, теплоцентралей и канализационных сетей – все это способствовало повышению уровня подземных вод. Как следствие: затапливаются подвалы и фундаменты, возникают оползни и провалы, а в строениях – опасные трещины и разрушения.

Подземный мир Москвы хрупок и нуждается в защите от неразумных действий человека и природных явлений. Он – жизненно важная часть города, без которой невозможно развитие и существование Москвы.

«Гляди, звезда, из недр земных»

*Колодец вырыт был давно.
Все камнем выложено дно,
А по бокам, пахуч и груб,
Сработан плотниками сруб.*

Владимир Солоухин

Ценнее всех сокровищ

Невозможно узнать, где и когда появился первый колодец.

В засушливое время, когда поблизости не было ни реки, ни озера, вода становилась для человека ценнее всех сокровищ земли.

В Библейской энциклопедии говорится: «С самых древних времен воду обыкновенно добывали чрез более или менее значительные углубления, производимые в земле. Вследствие трудности работ и ценности воды в пустыне кладези всегда весьма высоко ценились...

О них нередко упоминается в истории патриархов и их потомков, и многие местности получили свое название от колодцев...

Почти каждое селение на Востоке имеет свой собственный колодезь. Чтобы оградить их от наноса песка, отверстия оных обыкновенно покрывались большим камнем... Заваливать колодцы землею на Востоке всегда считалось и даже досель считается делом враждебным и неприязненным и незаконное присвоение себе прав на пользование оными, как свою собственность, часто служило причиною серьезных ссор и раздоров».

Многие завоеватели древних и Средних веков, прежде чем покорить какую-нибудь страну, отправляли туда разведчиков. Они выясняли, где находятся источники питьевой воды, на картах и схемах отмечали расположения колодцев.

Нередко скифы клялись этими жизненно важными хранилищами, а в случае отступления отравляли в нем воду. Когда неприятель изгонялся из их земель, они обезвреживали отравленные колодцы. Бросали в них серебряные изделия, изваяния божков и совершали особые обряды.

Схожее отношение к рукотворным источникам питьевой воды было и у славянских племен вятичей и кривичей. Местность, где они обитали и в которой возникла Москва, в отличие от засушливых скифских степей, изобиловала озерами и реками. Но относились вятичи и кривичи к колодцам так же трепетно, как и скифы.

В старину многие народы наделяли рукотворные источники волшебными возможностями и поклонялись «колодезным духам».

«Федор Стратилат грозами богат»

На Руси покровителем колодцев стал великомученик Федор Стратилат. Его обезглавили в 319 году враги христианской веры.

8 июня называют днем Федора Колодезника. В эту пору часто случались грозы, а после них от земли поднимался туман. В народе говорили: «Федор Стратилат грозами богат. Где по зорям первый туман ложится, там копай колодец».

Мастера копатели в этот день выискивали места для будущих колодцев. С утра они привязывали к кисти правой руки алый лоскуток, а к левой – веревочку. Согласно поверью, это должно принести удачу. 8 июня им не полагалось рыть землю. А вот искать «водоносные участки» не возбранялось. Мало того, в этот день обязательно сопутствовало везение в таких поисках.

Федор Стратилат

Спозаранку сажали колодезники в мешок петуха и отправлялись обследовать местность. Чтобы выяснить, есть ли неглубоко под землей вода и стоит ли копать, выпускали

петуха и приговаривали: «Ну-ка, смочи горло, смочи клюв, а то совсем охрип!.. Не отлынивай, а то Федор Стратилат накажет!..»

Считалось, что петух при этом обязательно остановится и начнет скрести когтями землю на том месте, где неглубоко есть вода.

Были у копателей колодцев и другие приметы. С высокого дерева кто-нибудь из них сбрасывал шелковую нитку, а остальные следили, куда она упадет и просили своего покровителя: «Федор Стратилат, помоги – укажи».

Якобы от его дуновения нитка опускалась туда, где надо рыть.

Первую пригоршню воды из нового колодца мастера плескали на четыре стороны и благодарили Федора Стратилата. Из второй пригоршни пили. А из третьей умывались.

Для поисков воды нередко применялись лозы, ветка дерева с развилкой.

Вечером 8 июня, после поисков, колодезникам разрешалось расслабиться. Они поднимали стаканы или кружки со спиртным и приговаривали: «Сколько одолею капель зелья, столько мне еще отрыть добрых колодцев!»

Однако не только профессиональные мастера делали колодцы. Многие русские святы, подвижники, странники, прежде чем создать свой скит, обитель, монастырь, устраивали источник питьевой воды. При основании монастыря Сергей Радонежский самолично выкопал яму и «...внезапу источник велий явился... от негож вычерпают на всяку потребу монастырскую».

Пожары

«...Загорелась церковь Всех Святых, и от того погорел весь город Москва – и посад, и Кремль, и Загорье, и Заречье. Была великая засуха, да зной...»

К сожалению, такие исторические записи появлялись почти каждый год. И чего только ни делали московские правители, чтобы уберечь город от огня.

Известный историк XIX века Николай Костомаров писал: «Москва, как известно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Стоит припомнить пожар 1493 года, истребивший всю Москву и Кремль, славный пожар 1547 года, когда кроме строений, сгорело более двух тысяч народа; пожар 1591 года, доставивший Борису случай показать пред народом свою щедрость; пожары при Михаиле Федоровиче были так часты, что не обходилось без них ни одного месяца; иногда на них было такое плодородие, что они следовали один за другим каждую неделю и даже случалось, что в одну ночь Москва загоралась раза по два или по три.

Некоторые из этих пожаров были так опустошительны, что истребляли в один раз третью часть столицы».

В конце XV века великий князь Иван III, чтобы обезопасить Кремль от пожаров, повелел снести все строения на расстоянии 110 саженей (примерно 234 метра) от крепостных стен.

Работавших с огнем ремесленников насильно переселяли поближе к прудам и рекам.

Иван III основал в Москве пожарно-сторожевую охрану. В конце главных улиц были установлены заставы – решетчатые ворота. На ночь они запирались. С наступлением темноты москвичам разрешалось выходить на улицу лишь с фонарем. Тех, кто был замечен в поджоге, казнили. Великий князь запретил летом топить избы и бани и даже зажигать лучины.

Но и эти строгие меры мало помогали. Москве нужны были как можно больше водоемов и колодцев.

Самыми главными поставщиками воды для города стали реки Москва, Копытовка, Яуза, Пресненский и Хапиловский пруды.

В Кремле еще до XVI века были сооружены подземные ходы к реке и тайные колодцы. Но они потребовались не для борьбы с пожарами, а на случай вражеской осады.

Заброшенные и опасные

Во времена царя Михаила Федоровича в Белом городе и на больших улицах Москвы появилось множество колодцев. С 1736 года даже в переулках города их сооружали по одному на каждые два двора.

По мнению некоторых исследователей, в Москве в начале XIX столетия уже насчитывалось более 4 тысяч колодцев. Глубина некоторых из них превышала 12 метров. Воду поднимали иногда блоками, но чаще воротами и «журавлями». Колодцы выкладывали бревнами, а над ними возводили будки, навесы, шатры.

Царь Михаил Федорович

Со временем большинство улиц Москвы перестраивались, и многие колодцы оказывались или на проезжей части или на месте, где собирались возводить новые здания. Такие колодцы засыпали строительным мусором и закрывали досками. Делалось это порой в спешке и некачественно. Ненадежное досчатое прикрытие вскоре сгнивало.

Немало зафиксировано случаев, когда в старые колодцы проваливались и конные повозки, и пешеходы.

В 1890 году в одном из переулков рядом с Кузнецким мостом едва не погиб крестьянин Василий Фролов. Его телега была нагружена дровами. Лошадь успела миновать опасное

место, а под задними колесами телеги покрытые слоем земли доски проломились, и вся поклажа рухнула в заброшенный колодец.

Спустя 15 лет в такую же историю попал автомобилист. Случилось это неподалеку от Калужской заставы. Шофер почувствовал, что почва уходит из-под колес, и выскочил из машины. Ему повезло: автомобиль, проломив ненадежное прикрытие, двумя боковыми колесами завис над старым колодцем. Не прояви сноровку, шофер вывалился бы в глубокий колодец.

Кузнецкий мост. Современный вид

Примерно в те же годы в районе Чистых прудов провалился приезжий из Подмосковья. Однако ему удалось выбраться наверх без особых повреждений.

В двадцатых годах прошлого века на Моховой улице, перед приемной председателя ВЦИК Михаила Калинина, образовался провал в колодец. Его глубина была примерно 9 метров. И на этот раз обошлось без жертв.

Но бывали случаи, когда люди гибли. Старые москвичи рассказывали историю, как в одном из дворики в районе Маросейки не ладили между собой две соседки. Одна закричала: «Чтоб тебе провалиться на этом месте!» Другая не сдержалась и кинулась на обидчицу с воплем: «Сама провались!..»

Пожелания скандалисток исполнились. Обе тут же провалились в заброшенный колодец и погибли.

Московские артели

В Средние века главным орудием труда у копателей колодцев была сделанная из дуба лопата с железной оковкой. Использовали они в поисках воды лозы, деревянные и металлические щупы и даже чугунные сковородки.

Этот предмет домашнего обихода колодезники с заходом солнца клали на место предполагаемого раскопа. А утром проверяли: есть роса на сковороде – значит, вода неглубоко залегает. Если сковорода остается сухой – значит, не стоит копать.

Уже в XV–XVI веках в Москве существовало много слобод. Их жители, как правило, объединялись по профессиям. Так, в районе современной Таганской площади жили изготовители таганов – треножников для походных кухонь. На Поварской улице селились барские повара. В том месте, где расположены Котельническая набережная и Котельнический переулоч, стояли дома изготовителей котлов. Были слободы: и Гончарная, и Плотничья, и Ружейная, и Кузнецкая, и Печатная, – почти обо всех о них осталась память в названиях московских улиц, проездов и переулков.

Таганская площадь. Современный вид

Дом на Котельнической набережной

Неподалеку от парка Сокольники есть Колодезная улица и Колодезный переулок. В этих местах когда-то проживали мастера «отыскивать добрую воду». Обычно артели колодезников составляли всего лишь 2–4 человека. Может, поэтому не было у них в Москве таких больших слобод, как у кузнецов, ткачей, каменщиков или оружейников.

Свои секреты мастерства колодезники тщательно оберегали. Поиски воды старались проводить без свидетелей. Землю копать начинали в темноте – остерегались сглаза случайных прохожих или зевак. А на колодезных срубах по завершению работ ставили свои особые, непонятные посторонним, знаки-обереги: чтобы «вода не портилась и не уходила».

Были у московских колодезников не только свои профессиональные секреты, но и предания.

Вотчина Алексея Михайловича

Впервые об Измайловском острове упоминается в писцовой книге за 1571 год. Остров образован речками Серебрянка и Хоруговка.

До середины XVII века деревня Измайлово принадлежала боярину Никите Романову-Юрьеву. А в 1663 году она вместе с окрестными лесами стала вотчиной царя Алексея Михайловича.

Спустя 9 лет по его повелению в центре острова был воздвигнут Покровский собор. В документах того времени о строительстве собора говорится: «...сделать в старом селе Измайлове церковь каменную против образца соборных церквей, что в Александровской слободе, без подклетов длиною меж стен девять сажень, поперечнику тож, а вышина церкви и алтаря как понадобится, да кругом той церкви сделать три ступени...»

По решению царя Алексея Михайловича одна часть измайловского леса была преобразована в сад, другая – в зверинец. Из многих стран сюда доставляли экзотических для России животных: львов, пантер, тигров, дикобразов, павлинов, китайских гусей, фазанов.

Покровский собор в Измайлово

Здесь находилось около 40 прудов. Некоторые из них были вырыты, некоторые появились благодаря построенным на реке Серебрянке плотинам.

В то же время в Измайлово появились чугунный и полотняный заводы, винокурни и мельницы.

Как писал известный москвовед Иван Злобин: «... выбрать место лучше было нельзя: здесь представлялись все удобства, по всем частям хозяйства, а также и для садоводства, которое впоследствии заняло в Измайловском хозяйстве весьма видное место...»

Позади дворца, на северной стороне за прудом, насажен был Алексеем Михайловичем Виноградный сад, на пространстве версты, где разводились виноградные лозы, также росли разных сортов яблони, груши, сливы, вишни...»

Тысячелетний колодец

Среди множества мастеров, появившихся в этой царской вотчине, был и старый колодезник Досифей.

Приближенные государя Алексея Михайловича интересовались, зачем на острове, где столько прудов и ручьев, рыть колодец? Царь отвечал то ли в шутку, то ли всерьез: это будет не простой колодец...

Приближенные недоумевали. Может, оттого и невзлюбили Досифея. А он, не обращая на это внимания, занимался своим делом.

От ступеней строящегося Покровского собора он отсчитал сто шагов. Там и велел копать. В предании, правда, не говорится, с какой стороны собора – ведь у него было три крыльца со ступенями.

Досифей со своей артелью завершил работу раньше, чем закончилось строительство храма. Прежде чем закрыть колодец дубовой крышкой, старик произнес своим товарищам:

– Ничего нет в мире вечного. Но колодец наш проживет тысячу лет. И вода в нем – столько же. И будет она спасением для многих людей от ран, хворей и кручины.

– Как же ты распознал, что суждено колодцу тысяча лет? – удивился один из артельщиков.

– Загляни в него, – ответил Досифей. – Если днем увидишь в колодезной воде небесную звезду, значит, уготована колодцу тысячелетняя судьба. Ибо сошлись в нем силы Неба, Земли и Воды. И силы эти будут передаваться людям.

Стал Досифей тихо приговаривать.

– Гляди, звезда, из недр земных. Гляди-сияй из тьмы бездонной...

Повторил так несколько раз, и артельщики и впрямь увидели в глубине колодца звезду.

Чудо да и только! Над головой – солнце, а в воде ночная небесная красавица отражается!

Пошла о том молва и по Измайловскому острову, и по всей Москве. Потянулись к колодцу люди. Всем хотелось испить из него воды. Видимо, действительно оказалась она чудодейственной, раз сам государь предложил Досифею большую награду.

Но гордый старик отказался.

– За свой труд я уже получил сполна. Лучше, великий государь, прикажи сбросить в колодец побольше серебра. Металл сей укрепляет чудодейственную силу воды, крепит разум и здоровье человека.

Алексей Михайлович исполнил просьбу Досифея. Случилось это якобы незадолго до смерти государя.

Ходила по Москве молва, будто, заболев, царь приказал доставить ему воды из «тысячелетнего колодца», но чьи-то недобрые руки зачерпнули воду совсем из другого.

После смерти Алексея Михайловича его приближенным не понравилось, что слишком много черного люда собирается у колодца Досифея. Порешили его завалить, а сруб разобрать. Так и сделали. Не осталось и следа о целебном источнике.

Но разве московских обывателей обманешь? Не придворные погубили «тысячелетний колодец», а сам Досифей «сокрыл» его до поры до времени от недобрых людей, заявляли они. Может, когда-нибудь он вернет колодец на прежнее место? И снова в нем сойдутся силы Неба, Земли и Воды. И люди увидят среди бела дня звезду.

Мечь колодцев

Во многих уголках России, в странах Европы и Ближнего Востока мне доводилось слышать об этом легенды: «Колодцы людям не только помогают, но и мстят».

Так уже повелось издавна: чем для человека важнее какой-нибудь предмет, строение или объект природы, тем больше о нем слагалось преданий.

Перед стихийными бедствиями, голодом, мором, засухами, вражескими нашествиями вода в колодцах портится или вовсе уходит. Об этой старинной примете можно услышать во многих странах.

Согласно преданиям, во время набегов крымчаков в Москве, Ельце, Серпухове, Калуге внезапно пересыхали колодцы. И местные старики объявляли землякам: «Многострадальные источники предостерегают нас. Помните, как татарва гирейская, возвращаясь в Крым, портила наши колодцы? Как плевали и бросали в них дохлых коней и убитых полоненных людей?..»

Действительно, подобные случаи «порчи» колодцев крымчаками, при возвращении из очередного набега, совершались не раз. Конечно, воду никто не пил, если в ней оказывалась дохлая лошадь или убитый человек. Колодцы приходилось «лечить». Их вычищали, углубляли, рядом совершали молебен, крестный обход, кропили святой водой, а иногда бросали в него серебряный крестик или какой-нибудь оберег. А бывало, для «очищения» испоганенных колодцев приглашали колдунов или юродивых, и те произносили различные заклинания, плясали вокруг сруба или иступленно бились о них головой.

Наказание Глинских

В 1547 году взбунтовалась Москва. 21 июня в городе вспыхнул пожар. Как отмечалось в летописи, «...загорелся храм Воздвижение честного креста за Неглимною на Арбатской улице на Острове. И бысть буря велика, и потече огонь, якоже молния, и пожар силен промче во един час...».

В тот день в Москве сгорело 25 тысяч домов, 250 церквей, погибло около 3 тысяч горожан. Это бедствие повлекло за собой другое. В Москве давно уже зрело недовольство посадских людей властью Глинских – родственников юного царя Ивана Васильевича.

Восставшие убили князя Юрия Глинского и несколько его родных и слуг.

В летописи упоминалось, что юный царь Иван IV был застигнут врасплох. Поэтому он был вынужден выслушать претензии и обиды посадских людей и пообещать им «произвести сыск и управу».

По Москве тогда ходили слухи, будто Глинские задумали погубить город. Они якобы вырывали сердца убитых людей, произносили над ними черные заклинания и швыряли в городские колодцы. Потом водой из этих источников окропляли московские улицы и дома.

«...Бояре приехаша к Пречистой к соборной на площадь и собраша черных людей и начаша въпрашати: кто зажигал Москву? Они же начаша глаголати, яко княгиня Анна Глинская з своими детми и с людьми волхвовала: вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила и оттого Москва выгорела» – так сообщалось в летописи.

Конечно, подобная причина пожара сегодня покажется нелепостью. Но в те времена немало москвичей в нее поверили. И пока городские колодцы не были очищены от порчи, воду из них не пили.

А когда в 1547 году умерло несколько человек из семейства Глинских, пошли слухи, что они «обпились» водой. Так якобы сами колодцы отомстили за свою порчу.

Первая колодезница

Осенью 1612 года Москва была освобождена от польских интервентов. Небольшой отряд разгромленных захватчиков просочился через Чертольские ворота столицы, а затем лесными тропами ушел от преследователей.

На ночевку этот отряд остановился в небольшом подмосковном селении, где-то в районе современного Рублева.

В отместку за свое поражение поляки опустошили крестьянские избы, забрали лошадей и вдобавок казнили нескольких местных жителей. А тела убитых сбросили в колодец.

В ту ночь десятилетней Агафье приснилось, будто ее призывает к себе оскверненный колодец. Не потревожив никого в избе, она тихонько вышмыгнула за порог. Прихватила с собой лишь тяжелую бадейку.

Поляки отобрали у крестьян все запасы браги и вволю залили горечь поражения. Даже ночной караул задремал от хмельного напитка.

Пробралась Агафья к колодцу, привязала к «журавлю» бадейку и зачерпнула воды. Потом отыскала оставшуюся брагу в польском обозе и разбавила ее той порченной водой.

Утром захватчики поспешно двинулись дальше прочь от Москвы. Да недолг был их путь. На первом же привале допили брагу. И начались у них мучения. Стали корчиться от боли, а ничего поделывать не могут. К вечеру все скончались.

Изгнание польских интервентов из Московского Кремля в 1612 году

Узнали о том в селении, которое ограбили поляки. Мужики вернули свое добро, достали из колодца тела односельчан и стали допытываться у Агафьи, как ей удалось погубить такую ораву чужаков.

А девушка разъяснила: не ее, мол, это заслуга – колодец сам за себя отомстил.

Прошло какое-то время. Стали примечать люди, что Агафья сторонится играть с ребятами и от домашних дел отлынивает. И все ее тянет к колодцу. Могла часами глядеть в воду или просто сидеть, прислонившись к срубу.

Забеспокоилась родня: как бы девчонка не свихнулась. Но все обошлось, не помутился разум. Вот только дар у нее открылся – могла безошибочно указывать, где воду под землей искать.

Слух о том прошелся по округе. Потянулись к Агафье копатели колодцев. Даже из Москвы артели приходили. Зазывали ее в помощь. Если верить преданию, так, с годами, и стала Агафья первой, а может, и единственной на Руси женщиной-колодезницей.

Сокровища скупой семейки

Примерно в середине XVIII века на Мясницкой, неподалеку от места, где в наше время расположен Главпочтамт, был построен особняк.

Много лет он принадлежал знатному семейству Измайловых. Несколько представителей этого рода в конце XVIII столетия вступили в масонскую ложу. В доме на Мясницкой стали совершать обряды ордена «вольных каменщиков».

Для проведения мистерий Измайловы кое-что переделали в своем особняке. Одну из самых больших комнат они велели оббить черной материей, стены расписать непонятными для непосвященных именами, а в углах установить два скелета.

Даже сруб старого колодца во дворе особняка был выкрашен в черный цвет. Непонятно, зачем это понадобилось делать масонам? Ведь свои мистерии они устраивали только в доме.

Поговаривали, что колодец был возведен задолго до строительства особняка.

Через несколько лет после окончания войны с Наполеоном дом Измайловых купили богатые супруги Кусовниковы, известные всей Москве своей скупостью.

Масонские идеи им были чужды. «Черный зал» со скелетами так напугал их, что они лишь один раз вошли туда и сразу приказали заколотить его.

Кусовниковы владели участками плодородной земли не только в Подмосковье, но и в других губерниях, и получали огромные деньги от арендаторов. И при этом из-за своей жадности держали в услужении лишь одного дворника и его жену.

По Москве ходило множество слухов и анекдотов о Кусовниковых. Рассказывали, будто спят они днем, а ночью грузят в свой обшарпанный кабриолет два сундучка с деньгами и драгоценностями и до утра колесят по городу, полагая, что если ночью к ним в дом заберутся воры, то, кроме развалившейся мебели, битой и старой посуды, поношенного старого тряпья, ничего не найдут.

Гостей они почти не принимали. А если вдруг кто-то наносил им визит, то Кусовниковы принимали их при одной свече. Угощали гостя так, что второй раз навещать эту семейку он больше не решался. Порой кусовниковские обеды или ужины завершались тем, что гость напрямик отправлялся к лекарю.

Есть литературная версия, будто прообразом гоголевского Плюшкина стала именно парочка скупердяев с Мясницкой.

После двух печальных для этой четы случаев они обратили свой взор к черному колодцу.

Однажды их едва не ограбили во время ночной поездки по городу. Пресненские налетчики отобрали только часы да кошелек с мелочью. Обшарпанные сундучки в кабриолете их не заинтересовали. Но второй случай оказался более неудачным для Кусовниковых.

Как-то раз получили они крупную сумму в ассигнациях. Куда в доме спрятать несколько увесистых пачек?

В то время у дворника тяжело заболела жена. Лекарь посоветовал класть под ее кровать тлеющие древесные угли на железных листах. Ведь в доме из-за скупости хозяев всегда было холодно и сыро.

В один из жарких летних дней дворник не стал этого делать, и Кусовниковы тайком от него спрятали деньги в золу.

Когда хозяева уехали в гости, дворник достал из-под кровати железные листы, не убрав старую золу, навалил на них дрова и поджег.

Вернулись Кусовниковы, когда их деньги стали обгорать. Часть ассигнаций уже обуглилась. Крики, истерика, обмороки скупой семейки лишь веселили соседей по всей Мясницкой.

Долго не могли оправиться Кусовниковы, а когда пришли в себя, решили все свои драгоценности спрятать в заброшенном колодце. Спустили на дно сундучок с золотом, изумрудами, бриллиантами, сапфирами. Потом стали бросать в колодец камни и всякий хлам. Вскоре он был заполнен до самого сруба.

Известно, что колодцы не любят такого отношения к себе и мстят.

И пошла по Москве молва, будто после этого случая Кусовниковы в одночасье слегли и через какое-то время умерли.

В конце XIX века их особняк и сруб Черного колодца снесли, а углубление с мусором прикрыли досками. На месте дома Кусовниковых возвели новый. Он существует и поныне рядом со знаменитым «Чайным домиком» на Мясницкой.

На какое-то время о знаменитых скупердях в Москве позабыли. Потом вдруг обыватели опомнились. Стали думать-гадать: а где же кусовниковские драгоценности?

И пошла молва о Черном колодце. Кинулись и стар и млад искать его. Да так и не нашли.

Что ж, может, в наше время кому-то повезет? Или уже повезло?..

Мастера и нечистая сила

С Иваном Александровичем я познакомился в конце шестидесятых прошлого века. Был он уже на пенсии. После фронта, с сорок шестого года, работал плотником в каком-то домостроительном комбинате. А вот до войны...

Словом, еще подростком его приняли в артель копателей колодцев. Этим делом занимались и его отец, и дед, и прадед.

– На мне оборвалась династия, – сокрушался Иван Александрович. – Наша артель до Второй мировой войны промышленяла в ближних подмосковных селениях. А когда я вернулся с фронта, многие те селения слились с Москвой, заводопроводились, и наша профессия стала не нужна. Хотя кое-где еще и в столице сохранились старые колодцы. Только обветшали они, поусохли.

Я удивленно взглянул на собеседника.

– На дворе – конец шестидесятых, люди в космос летают. А в Москве – колодцы?

Старик ничего не ответил. Может, нахлынули воспоминания, а может, стало грустно, что канула в Лету его первая профессия.

Но через несколько минут он снова оживился и охотно стал рассказывать о былом.

– Мой отец жил на Пресне по соседству со старухами-колдуньями и предсказательницами. Была у тех старух своего рода специализация – гадать по воде и по «голосу колодца». Заглянут в него и протяжно произносят: «Ум-мау». И от того, как изменяется звучание их голоса, строят предсказание.

– А что означает это колдовское слово? – поинтересовался я.

Иван Александрович пожал плечами.

– Не знаю. Но что примечательно: мастера-колодезники в старину тоже произносили «ум-мау». Только не для предсказаний, а для определения – болен или здоров колодец.

Я недоверчиво взглянул на старика: говорит о неодушевленном предмете как о живом человеке. Может, подшучивает?

Нет, лицо собеседника оставалось серьезным. Заметив мой недоверчивый взгляд, он оживленно продолжил.

– А ты как думал? Колодцы тоже болеют. Портится или уходит вода, гниют деревянные обклады, засоряются, или что-то сбросят в него... Бывало, и трупы извлекали. Но убийцы, которые таким макаром избавлялись от следов преступления, долго не гуляли по свету. Не знаю уж, как так выходило: вскорости поджидала их лютая смерть. Вода все помнит, вода обидчива, а колодезная – особенно.

В старину у колодцев собирались бабы и девки и давай судачить, секретами своими делиться. И невдомек бестолковым, что сказанные слова надолго сохраняются в колодце. А ведьмы и колдуны этим пользовались – извлекали оттуда все бабьи тайны себе на пользу. И в наших артелях находились знатоки, умевшие выведать из колодцев все, что было при них сказано.

Иван Александрович взглянул на меня лукаво, будто хотел выяснить, верю ли ему. Уловив мою заинтересованность, продолжил:

– На Руси хоть и уважали наш промысел, а все равно шептались, будто мы водимся с нечистой силой. Наверное, не случайно и мастера-копателя, и духов, которые обитали в колодце, называли одним и тем же словом – «колодезник». Да мы и не обижались, если кто-то намекал на нашу связь с нечистой силой. Иной раз и сами запускали подобные слухи. Были среди нас умельцы не только искать подземные воды и возводить срубы. Иные могли всякую хворь изгонять. У каждого колодца свой состав воды. Вот наши лекари и выбирали под ту или иную хворь нужный источник.

– А не хотите записать эти сведения? Может, целебные колодцы Москвы еще послужат людям? – перебил я собеседника.

Иван Александрович махнул рукой.

– Сам писать ничего не буду. Не по мне такая работа. Вот вернусь осенью с дачи – заходи. Может что дельное из моих рассказов запишешь...

На том и простились. Конечно, в тот день я не мог знать, что больше мы никогда не увидимся.

Как мне рассказали потом, в свой последний час Иван Александрович присел у колодезного сруба, провел ладонью по бревнам и больше уже не поднялся. Может, именно так и должен уходить настоящий мастер-колодезник?

Воды чарующая сила

*Священны, о Москва, преданья
Твоих красноречивых стен:
Они скрижаль бытописанья
Богатых славою времен.*

.....

*В тебе и новый мир и древний.
В тебе пасут свои стада
Патриархальные деревни
У Патриаршего пруда.*

.....

*Повишая своей волною
Давно минувшие века,
Там вьется светлой полосой
Смиренная Москва-река.*

Петр Вяземский

Целительные силы подземелья

«Живоносный Источник»

В славянских и древнерусских верованиях, наряду с воздухом, землей и огнем, вода считалась основой мироздания.

У многих народов мира есть легенды, сказки, предания о «живой» и «мертвой» воде. С их помощью людей воскрешали или убивали. В русских сказках и былинах даже изрубленный человек становился здоровым и невредимым, если его обливали «живой» водой.

Согласно древним поверьям, с ее помощью человека можно превратить в животное и наоборот, отогнать нечистую силу, вернуть молодость и зрение.

В старинном предании о возведении в Константинополе храма «Живоносный Источник» говорится, что будущий император Лев I однажды повстречал в роще умирающего от жажды слепого старика. Лев хотел напоить калеку, но поблизости не оказалось ни реки, ни озера, ни ручья.

И тогда из лесной чащи раздался голос: «... Лев, не печалься и не трудись много искать воды, вода подле тебя. Войди внутрь рощи, там ты найдешь живую воду. Почерпни и утоли жажду немощного. Помажь ему ею глаза, он прозреет.

А кто Я, здесь живущая, ты скоро узнаешь. Я помогу тебе соорудить здесь храм во имя Мое, в котором все благочестивые, с верою ко Мне притекающие, будут получать исполнение своих благих желаний и исцеление от недугов...»

Лев выполнил услышанный наказ, и чудо произошло – слепой прозрел. Впоследствии император Лев I повелел возвести над чудотворным источником храм в честь Богородицы. А сам ключ, бьющий из недр, получил название Живоносный.

Жители Москвы особо почитали икону Богородицы «Живородящая», на которой она изображалась с младенцем Иисусом, сидящим в купели.

Список с этой иконы люди часто брали с собой, отправляясь на поиски целебных источников.

«Будь здоров, как вода»

На Руси не случайно состояние здоровья человека связывали с качеством воды. И распространенным приветствием в старину являлось выражение: «Будь здоров, как вода!»

Ни в древности, ни в Средние века даже знахари, лекари, доктора не знали, что целебная вода из глубин земли обладает повышенным содержанием химических элементов, газов, радиоактивностью. В ее формировании большую роль играют микробиологические процессы подземного мира. Так называемый московский артезианский бассейн имеет водоносные горизонты в девонских, каменноугольных и пермских отложениях. Недр нашей столицы изобилуют минеральными, сульфатными, хлоридно-натриевыми водами.

Наверное, в старину москвичи, если бы и знали о том, что живительные подземные воды насыщаются химическими элементами, газами, бактериями, все равно продолжали бы наделять их волшебными силами.

Еще в XV–XVI веках на территории Первопрестольной минеральную воду брали не только на поверхности из родников, но и спускались за ней в естественные и рукотворные пещеры.

Многие московские целители приписывали ее своим пациентам. А расположение подземных источников нередко держали в секрете.

Благодарили и возводили часовни

На территории Москвы к началу XXI века насчитывалось более 30 артезианских родников. Люди верующие считают воды этих источников священными. Атеисты ищут научное объяснение их целебным свойствам.

А может, правы и те и другие?

В давние времена москвичи называли родники целительными силами подземелья. Их почитали и верующие, и неверующие. Православная церковь совершала у этих источников водосвятные молебны. Над ними возводили часовни. Люди, избавившиеся от болезней, благодарили их. Целебные воды шли на приготовление лекарств, употреблялись в напитках и еде, их пили в чистом виде.

Большинство московских родников имеют свои легенды, истории и связаны с именами знаменитых людей.

Согласно преданию, источник в Теплом Стане, существующий и поныне, выкопал Иван Грозный. В часы нервных перенапряжений и припадков, при головных болях он пил доставленную отсюда воду.

В Крылатском есть родник, который, по совету друзей, посещал знаменитый поэт и государственный деятель XVIII и XIX столетий Гавриил Державин. Вода крылатского источника исцеляет многие болезни, но злые языки утверждали, что поэт употреблял ее для «обуздания азарта». Безудержно любил Гавриил Романович играть в карты. Кто знает, может, крылатский родник отчасти помог ему не спустить все свое состояние.

В одном лишь Коломенском к концу XVIII века находилось более 30 источников целебных вод. В наше время их осталось значительно меньше. Водой коломенских ключей лечили глазные заболевания, почки, язвы, бесплодие.

Родник в Крылатском

Родник в лесопарке Покровское-Стрешнево быстро заживлял раны и язву желудка. По преданию, государыня Елизавета Петровна не раз приезжала сюда на лечение.

Видимо, целебная вода помогла царице, раз приказала она построить над источником часовню.

Так же знамениты своими лечебными свойствами родники на улицах Довженко и Мосфильмовской, расположенные в Фили-Давыдково, в Свиблово, в Кузьминском лесопарке, у Борисовских прудов, в Южном Бутове, на Новоясеневском проспекте.

А сколько их еще скрывают московские подземелья или – уже погублено людьми?..

Многим людям помогли целительные источники, но и они сами нуждаются в спасении и лечении от загрязнения. Некоторые московские родники, известные в XVIII–XIX веках, уничтожены человеком. Лефортовский, Сретенский, Измайловские, Пресненские и другие – остались лишь в литературных воспоминаниях.

Уничтожение родника издавна на Руси считалось грехом, за которым всегда следовала расплата. У москвичей была примета: «Погиб один источник – жди много бед».

«Царь-вода»

Во второй половине XIX века то ли московскому начальству, то ли самому императору Александру II пришла идея составить план-карту всех целебных родников Первопрестольной.

Поручили выполнить эту работу ученым мужьям. Но по каким-то причинам дело не заладилось. Скорее всего не выделили на это деньги.

И тут вдруг вызвался составить карту целебных источников Москвы простой кладбищенский землекоп. По одному преданию, звали его Прошка, по другому – Сафрон.

В общем, стал этот Прошка-Сафрон похваться перед знакомыми и незнакомыми людьми, что составит карту московских родников безо всяких денег.

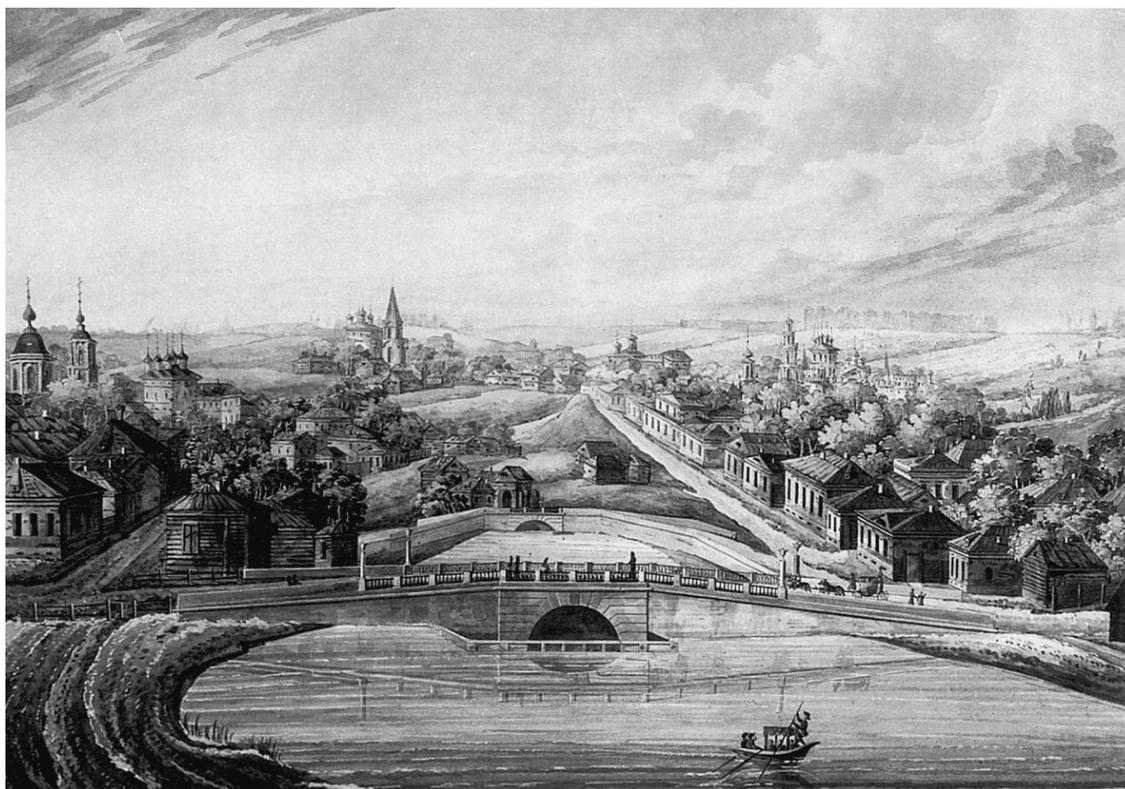
– Да кто ж тебе их даст? – ухмылялся народ. – И сановитых людей начальство не больно радует деньгой. А тут – какой-то неказистый искатель-копатель выискался...

Но всякие ухмылочки да ехидства на Сафрона-Прошку не очень-то действовали. Втемяшилось в башку осчастливить Первопрестольную картой целительных источников – и все тут!

Услыхал он от каких-то дремучих дедов о «царь-воде», заточенной в московском подземелье. Кто ее отыщет да на свет Божий выпустит – тому откроются все еще неоткрытые целебные родники в городе. Подсказали деды и где искать «царь-воду».

Сегодня на этой земле расположен Пресненский парк. А в древности, когда и Москвы еще не было, там находились священная роща и пещеры язычников, где они совершали свои обряды, поклонялись идолам и приносили человеческие жертвы подземной «воде-владычице».

В XVIII столетии на месте будущего парка располагалась усадьба князей Гагариных. Называлась она «дача Студенец». В 1840 году владельцем усадьбы стал московский генерал-губернатор Закревский.

Пресненские пруды

На «даче Студенец» были вырыты пруды и каналы, а на возникших островах разбиты фруктовые сады.

Среди работников графа Закревского ходили слухи, что глубоко в подземелье имения протекает река с волшебными, целебными свойствами. Называли ее по-разному: «всем водам вода», «царь-вода», «вода-владычица».

Много столетий назад приняла она в себя непомерное количество человеческой крови. За то наказана была. А кем – неведомо. Лишили «царь-воду» света белого. Пока не очистится от крови – струиться ей во мраке подземелья.

Давно она очистилась, а наказание почему-то осталось. За многие века приобрела «царь-вода» необычную целебную силу, но воспользоваться ею никто из людей не может.

Долго шастал Прошка-Сафрон по садам графа Закревского. Наконец, отыскал тайный лаз в подземелье. Оповестил о том и своих приятелей, и работников генерал-губернатора.

Собрался народ поглазеть на лаз, а заодно и землекопа кладбищенского проводить в дальний подземный путь. Дали ему несколько пустых бутылок, чтобы набрал он «царь-воды».

Нырнул в подземелье Прошка-Сафрон, да так и не вынырнул. Ждали его любопытствующие день-другой, а на третий – стали догадки строить.

– Заплутал малый в подземелье...

– Видать, не отпустила его «царь-вода»...

– А может, осточертела ему наземная жизнь, и решил он остаться навечно во мраке?..

Уведомили хозяина садов Закревского. Нашлись смельчаки. Полезли они, чтобы отыскать пропавшего, но вскоре вернулись ни с чем. Говорили, будто слышали во тьме шум реки, да не смогли найти к ней дорогу.

На сороковой день после исчезновения Прошки-Сафрона главный садовник графа Закревского приказал засыпать лаз в подземелье.

С годами история кладбищенского землекопа и «царь-вода» подзабылись. Но вдруг заговорили об этом в конце девяностых годов XX века.

Бомжи, изредка ночующие в Пресненском парке, уверяли всех, что слышали из глубин земли плеск и журчание реки, человеческие стоны и крики о помощи.

Говорят, и в наше время находятся искатели приключений, которые ищут в Пресненском парке давно засыпанный лаз, чтобы добраться к «царь-воде».

Кто знает, может, это кому-то уже удалось сделать?

«Всеевропейский курорт на Остоженке»

В двадцатых годах XIX века в Хилковом переулке было открыто необычное заведение. Создателем его стал известный доктор медицины, профессор Христиан Иванович Лодер. Называлось его детище: «Заведение искусственных минеральных вод».

Незадолго до открытия Лодер писал в своей брошюре: «... Для делания в Москве искусственных вод предлагается составить на десять лет общество из акционеров».

Исчисление потребных для сего заведения издержек учинено по тому размеру, по которому сделано подобное заведение в Дрездене, Лейпциге и Берлине, о коих я имею самые подробные сведения. Однако, я счел нужным, чтобы в здешней столице внимание обращено было не только на внутреннее устройство, но и на приличный вид...

Перестройка и внутреннее устройство здания, в коем не только будет находиться лаборатория для приготовления вод, но и нужные комнаты для различия оных и для помещения разных ванн, и сверх того место для прогулки пользующихся во время неблагоприятной погоды...

И сверх того место для благоприятной прогулки...»

Профессор Лодер родился в Риге, высшее образование получил в Германии. Несколько лет он преподавал анатомию, судебную медицину, физиологию, хирургию.

С 1810 года Христиан Иванович жил и работал в России. В Москве он построил анатомический театр и новый госпиталь. Интересовали его подземные воды и целебные источники Первопрестольной. Со своими учениками Лодер частенько спускался в катакомбы города, изучал химический состав подземных водоемов.

Однажды профессор заблудился в лабиринте, где-то в районе Калужской заставы. Не имея с собой ничего из еды, пару дней он продержался лишь на воде из подземного ручья.

Потом Лодер рассказывал, что это был целебный источник, поскольку несколько глотков из него придавали бодрость и силу заблудившемуся, голодному человеку.

В 1828 году Лодер начал строительство первого в России заведения искусственных вод. Тихий Хилков переулок на Остоженке стал местом «всеевропейского курорта».

Конечно, это заведение было для состоятельных людей. Курс лечения стоил около трехсот рублей. Сумма по тем временам немалая.

Лодер лично следил за качеством доставляемых из московских подземелий вод. С весны до середины осени курорт принимал посетителей с 5 часов утра. Каждому клиенту подавалась кружка с минеральной водой, листья шалфея для чистки зубов. Потом пациенты принимали минеральные ванны и несколько часов прогуливались по саду заведения Лодера.

Вскоре слух о курорте на Остоженке облетел всю Россию. Сюда стали приезжать состоятельные люди из Санкт-Петербурга, Поволжья, Сибири. Пациентами Лодера были даже члены царской фамилии.

Пожилых людей тянула сюда убежденность, что московские минеральные воды не только оздоравливают, но и возвращают молодость. А для молодежи заведение Лодера стало «ярмаркой женихов и невест», местом, где можно было завязать полезные знакомства.

Христиан Иванович придавал огромное значение не только лечебным водам, но и оздоровительным прогулкам.

А вот у простых людей эти прогулки господ вызывали недоумение и насмешки:

– Гляди-ка, баре в такую рань ходют и ходют, и от дел отлынивают...

– Маются от безделья спозаранку...

– И охота им было подниматься на заре, чтобы ничего не делать...

– Опять, лодера гуляют...

Комментировал рабочий люд увиденное за садовой оградой заведения.

Постепенно «Лодер» в народе при разговоре изменилось на «лодырь». Так фамилия трудолюбивого, предприимчивого доктора стало названием праздности, безделья. И вот, век спустя, в «Словаре русского языка» Сергея Ивановича Ожегова можно прочитать: «Лодырь... – лентяй, бездельник...»

Ну а о самом враче и ученом Христиане Ивановиче Лодере через несколько лет после его смерти было сказано: «...Наставник Гуфельда и Гумбольта, друг Гёте и Шиллера, снискал себе европейскую славу в Германии: она гордилась им; почитала его своим; но Лодер был наш соотечественник...»

Сокровища московских подземелий

*Москва несчастная пылает,
Москва горит двенадцать дней,
Под шумным пламенем истлевает
Несметное богатство в ней:
Все украшенья храмовые,
Сокровища их вековые,
Великолепия дворцов,
Чудесных редкостей собранья,
Все драгоценности ваянья,
Кистей искусных и резцов.*

Николай Шатов

«Ищите в подземельях»

Государев указ

В один из приездов Александра Даниловича Меншикова в Москву в его дом у Поганных прудов был доставлен человек по имени Осип.

– Не держи обиду за то, что мои ребяташки так помяли тебя, – приветливо начал разговор светлейший князь. – Но уж больно ты пряткий да несговорчивый.

– Помяли, ох, как помучили, кормилец, – охотно закивал Осип и дотронулся до окровавленной головы. – А за что мяли и дубасили – не ведаю...

– Так ли говоришь, как думаешь? – усмехнулся Меншиков. – По глазам вижу: хитришь. Доподлинно известно – человек ты грамотный, царские указы почитываешь. Так что новое повеление государя нашего Петра Алексеевича знаешь?

– Какое такое повеление? – В глазах Осипа зажглись лукавые огоньки.

– Ишь ты, непонятливым каким прикидывается! А приказал государь делать чертежи местности, где обнаружатся сокровища: «... то место разрыть и вынять земли сколько пристойно, и тех денег и иной поклажи искать и что будет вынять и описать именно, а тое поклажу и описную роспись прислать. А буде денег и никакой поклажи не явится, о том потому же писать, и сколько земли вынять будет в глубину и вдоль и поперек и какими людьми...» – процитировал по памяти Меншиков и тут же пояснил: – За добровольную сдачу найденного богатства велено было платить вдвое больше, чем оно стоит. Ну, а за сокрытие и тайную переплавку золота и серебра – наказывать смертной казнью...

А. Д. Меншиков

Указ, о котором говорил Меншиков, царь издал после многих доносов и сообщений о том, что разные люди в Москве, в Поволжье, в Сибири разрывают древние курганы, копают могилы богатых людей, ведут поиски в городских подземельях и в пещерах, переплавляют старинные изделия из серебра и золота. А потом сбывают их ювелирам или, того хуже, фальшивомонетчикам.

Старый «кладник»

Меншиков подмигнул Осипу, будто собирался сообщить радостную весть.

– А о твоих воровских делах вся Москва говорит. Даже известную царскую особу втягиваешь в омут. Так что поджидает тебя либо плаха, либо дыба.

– Повелевай, искуплю грех, только не губи, кормилец, – быстро забормотал Осип. Он понял, что много о его делах известно светлейшему. – И про сестрицу государя нашего царевну Екатерину Алексеевну все поведаю. Только не губи...

– Вот так-то лучше будет, – довольно кивнул Меншиков. – Валяй, рассказывай. А я послушаю да подумаю, все ли ты поведал и сообщил. От всех ли грехов очистился? Понравится мне твоя исповедь – отпущу на все четыре стороны, да еще награжу не скупясь. Не понравится – отдам кнутобойщикам.

– Царевна через верного своего человека давно призвала меня к себе, – поспешно начал Осип. – Потребовала она, чтобы я передал ей записи иерея Симеона, по которым можно отыскивать клады в Первопрестольной.

– Как же тебе достались эти записи? – перебил Меншиков.

– Иерей сам подарил мне...

– Бреешь, собака... – беззлобно ругнулся светлейший. – Выкрал ты у него... Продолжай, да не ври. Помни, о чем я тебя предупреждал. – Александр Данилович пристально взглянул на собеседника: – А что, царевна сама ездила с тобой богомерзкими делами заниматься – копать могилы?

Князь Дмитрий Донской

– Врать не буду, – покорно ответил Осип. – Могилы трогать она сама боялась. Людишек своих посылала. А вот в подмосковные земли на бугры и курганы тайком выезжала. Да и в подземелья Первопрестольной хаживала – хоть и не царское это дело. Но записи иерея пустяшными оказались. Ни одно сокровище по ним не сыскали.

– Записи иерея, может, и нестоящие. А вот твои – куда посерьезней, – усмехнулся Александр Данилович. – Говорят на Москве, что за твой старый «кладник» иноземные купцы большие деньги тебе сулили.

– Да как сказать, – смутился Осип. – «Кладник» свой я, почитай, всю жизнь составлял. Слушал рассказы бывалых людей и, когда переписчиком в монастырях разных состоял, тоже кое-что выведывал из древних книг. Их сейчас много на Никольском крестце продают.

– Да где же ты его хранишь, «кладник» свой? – снова перебил Меншиков. – Избу твою всю обыскали, огород и погреб перерыли...

– В заветном месте, в подземелье, – поспешно ответил Осип. – Велишь принести – я мигом! Мне тут недалече...

– Пойдешь с моими людьми! Да чтоб рот на замок: ни им, никому другому не болтал лишнего! – приказал Александр Данилович и поинтересовался: – А что, так уж богата Первопрестольная подземными сокровищами?..

– Ох, богата! – затряс головой Осип и даже зажмурился. – Издавна говорят: Москва на воде и костях, на серебре и злате стоит. До тех времен, не знаю, как дело обстояло, но много добра великий правитель и воин, князь Дмитрий Иванович Донской, по тайникам подземным попрятал. Москва ведь под землю вся перерыта. Пещеры, ходы тайные, ползники, схроны, колодцы – все и не перечесть. Князюшка Дмитрий Иванович делал тайные запасы злата и серебра, если какой ворог нагрянет и опустошит Первопрестольную. И великий князь Василий тоже так поступал. Вот только перед смертью не успели они обо всех своих тайниках наследникам рассказать. Так и остались сокровища в земле московской...

Коллекция светлейшего

Казалось, теперь Меншиков слушал Осипа, думая о чем-то о своем, а на самом деле жадно впитывал каждое его слово. Давно уже светлейший князь собирал сведения о московских кладах.

Зачем? Может, хотел организовать их поиски? Денег не жалел, добывая старинные документы, в которых сообщалось о спрятанных в Москве сокровищах и о вывезенных из Первопрестольной ценностях.

Именно Меншиков хранил самый полный список «Повести о московском взятии от царя Тохтамыша», где описывались многие ценности, захваченные врагами в 1382 году.

Н. М. Карамзин

Историк и писатель Николай Карамзин так отзывался о тех событиях: «Неприятель в остервенении своем убивал всех без разбора, граждан и монахов, жен и священников, юных девиц и дряхлых старцев; опускал меч единственно для отдохновения и снова начинал кровопролитие. Многие укрывались в церквах каменных – татары отбивали двери и везде находили сокровища, свезенные в Москву из других, менее укрепленных городов. Кроме богатых икон и сосудов, они взяли, по сказанию летописцев, несметное количество золота и серебра в казне великокняжеской, у бояр старейших, у купцов знаменитых, наследие их отцов и дедов, плод бережливости и трудов долговременных.

К вечному сожалению потомства, сии грабители, обнажив церкви и дома, предали огню множество древних книг и рукописей, там хранимых, и лишили нашу историю, может быть, весьма любопытных памятников».

После того как князь Владимир Андреевич разгромил один из отрядов Тохтамыша, хан приказал своим войскам отступить от Москвы.

Не все захваченное добро смогла тогда вывезти из Первопрестольной неприятельская армия. Много золота и серебра было закопано в подземельях Воробьевых гор, а также на выходе из Москвы по дороге на Коломну.

Немало охотников за сокровищами пыталось отыскать те клады. Согласно преданию, Александр Меншиков тоже направлял своих людей на поиски золота и серебра, захваченного воинами Тохтамыша. Но его посланцы возвращались с пустыми руками. И Александру Даниловичу оставалось лишь надеяться на будущую удачу и продолжать коллекционировать документы, связанные с сокровищами.

«Особый замок» Ивана Грозного

– А уж сколько государь Иван Васильевич попрятал сребра и злата!.. – продолжал Осип. – Первый раз – когда на Москву осерчал и в свою слободу уехал. А потом – когда воротился, каждый год по три кованых сундука прятал по разным местам в подземельях Первопрестольной. Ну, а с батюшкой Грозным – разговор особый. До его добра без заклинаний и снятия «смертельной закрепи» – лучше не дотрагивайся и не помышляй о царских сокровищах...

Меншиков недоверчиво взглянул на собеседника.

– Отчего же так?

Осип замялся.

– Можно ли о царской особе?.. Не осерчаешь, кормилец?..

– Валяй, не робей, – разрешил светлейший.

– Дак ведь известное дело... Государь Иван Васильевич с малолетства с колдунами, ворожеями и чернокнижниками знался. Сам многому у них научился. Сказывали старики, будто мог он одним взглядом человека усыпить и заставить во сне что угодно вытворять и обо всем рассказывать. Ему колдовские книги, рецепты древние и прочие тайные знания со всего мира везли – и посланцы королей, и купцы заморские, и ученый люд...

Осип оглянулся, не подслушивает ли кто, перекрестился и, потянувшись к Меншикову, перешел на шепот.

– Прознал царь-государь из книг и бумаг ветхих и как песчинка устроена, и небо звездное и какие иные люди на земле обитали, и какие будут обитать, и отчего вода течет, а ветер – дует, и когда настанет конец света. Вот как понял все Грозный царь Иван Васильевич, так умом и тронулся. Забыл даже, сердечный, где какие сокровища попрятал...

– Но-но, болтай – да не перебалтывай. Особу-то царскую так не задевай... – одернул Осипа светлейший, но тут же любопытствовал: – А что, на самом деле у государя Ивана Васильевича была знатная и богатая библиотека?

Царь Иван Грозный

– Богатая-богатющая! Всем иноземным – на удивление и на зависть, – подтвердил Осип. – Только поделил он ее на «светлую» и «черную». «Светлую» часть держал открыто и даже давал читать эти книги другим. Хоть и грозен был царь, а душа – доверчива. Вот людишки то и норовили его обмануть: возьмут книгу почитать и – не возвращают. Другой бы государь таких на кол посадил, а Иван Васильевич прощал неблагодарным. Вот и растащили они часть «светлой» библиотеки. А перед смертью государь подарил много книг монастырям. Так что разошлась «светлая» библиотека по рукам. А вот «черную», колдовскую, Иван Васильевич замуровал где-то в московском подземелье. Не хотел, чтобы страшные познания

до нас, грешных, дошли. На всех, кто прятал его сокровища, насылал он «сохлую болезнь». Люди не могли шевелить ни языком, ни руками, ни ногами. Даже моргать переставали, и у них вытекали глаза.

Осип внимательно и поспешно взглянул на Меншикова, словно проверяя, какое впечатление произвел его рассказ, и снова продолжил:

– Так что на сокровищах царя Ивана Васильевича – «особый знак», неподступный, неухватный. Без знаний, как его одолеть, лучше не подступайся...

– А ты-то смекаешь, как богатство Ивана Васильевича взять можно? – недоверчиво спросил Меншиков.

– В моем «кладнике» о том записано – и как одолеть «особый знак» Грозного царя, и как без вреда вынести сокровища из подземелья... – потупил глаза Осип.

– Принесешь свою книгу, прочитаешь мне, а там я решу: либо при себе оставлю и под моим надзором будешь добывать сокровища, либо – ждуть тебя молодцы-кнутобойцы, – светлейший мрачно взглянул на Осипа. – А что, после государя Ивана Васильевича по Москве большие сокровища прятали?

– Прятали столько, что и не сосчитать! И Борис Годунов, и воры-самозванцы, и бояре, и разбойнички. Но больше всех расстаралась шляхтянка Марина Мнишек, жена Дмитрия Самозванца – и первого, и второго...

Возникновение знаменитой библиотеки

Конечно, Александр Данилович не до конца поверил всему, что рассказал Осип. Но о таинственной библиотеке Ивана Грозного он слышал уже от многих.

Начало ее было положено еще при великом князе Иване III, вступившем на престол в 1462 году.

По свидетельству современников, это был расчетливый, властолюбивый, решительный и умный правитель. Николай Карамзин характеризовал его так: «... разгадав тайны самодержавия, сделался како бы земным Богом для России».

В 1472 году Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице византийского императора. Это помогло ему поднять свой авторитет не только среди русских удельных князей, но и среди европейских и восточных правителей.

Частью приданого Софьи были старинные книги и свитки на греческом, латинском и на совсем древних, никому не ведомых в Москве, языках.

Иван Грозный значительно пополнил эту библиотеку. Известно, что ему удалось даже приобрести несколько книг Ярослава Мудрого. Иностранцы, зная пристрастие русского царя, привозили ему в подарок старые и новые фолианты...

Великий князь Иван III

Софья Палеолог

Хотя и не был силен в грамоте Меншиков, но значение и ценность библиотеки Ивана Грозного понимал. Не зря ведь такие именитые люди, как Борис Годунов, Григорий Отрепьев, прозванный Лжедмитрием I, его жена Марина Мнишек и даже сестры Петра I царевны Софья и Екатерина, безуспешно пытались найти это сокровище.

Но так ли безуспешно?..

Взлет и падение Марины Мнишек

Когда она прибыла в 1606 году из Польши в Москву и вышла замуж за Самозванца, был в ее свите некий ученый. Ни звания, ни откуда он родом, ни даже имени досужим москвичам выяснить не удалось. Но вскоре стало известно, что он по заданию Марины облазил подземелья Первопрестольной, разыскивая библиотеку Ивана Грозного.

После московского восстания и убийства Лжедмитрия I Мнишек «признала своим мужем» другого авантюриста, прозванного Лжедмитрием II.

Весной 1610 года Тушинский лагерь этого Самозванца был разгромлен. «Тушинский вор» (так в народе окрестили Лжедмитрия II) и Марина бежали в Калугу.

В последнюю ночь перед побегом, понимая, что всех сокровищ разграбленной Москвы не вывезти, Мнишек приказала большую их часть спрятать в тайных пещерах под Тушином. Казаки, схоронившие сундуки с драгоценностями, позднее были убиты своим атаманом, приспешником Марины – Иваном Заруцким.

Марина Мнишек

Кто-то из любопытствующих тушинцев подглядел, что, кроме золота и серебра, были в сундуках и книги.

Через несколько месяцев после этих событий в Калуге погиб Лжедмитрий II. Немного здоровствовали и Марина с Заруцким. Они были схвачены на реке Урал.

Русский историк и государственный деятель XVIII века Василий Никитич Татищев так описывал последние приключения Мнишек: «... воевода Петр Васильев сын Головин, узнав о приходе Заруцкого в Астрахань, собрав людей, колико можно было, пошел к Астрахани; и по приходе его астраханцы многие, вышед, к нему пристали. Заруцкий же, видя себе безнадежность, надеялся яицких казаков к себе склонить, ушел с Мариною с малым числом казаков на Яик...

И по немалому бою с помощью яицких казаков Заруцкого и Марину, Ростригову жену, с сыном, таж и протчих воров, взяв с великим богатством, послали в Москву...»

Доставленного в столицу Ивана Заруцкого посадили на кол, а малолетнего сына Лжедмитрия и Мнишек повесили.

Как отмечал Василий Татищев: «...Марина, сидя в заключении от нетерпеливой презельной печали, презрев всякое ей довольство и обещанную от государя милость, умерла внезапно.

Лжедмитрий I

Лжедмитрий II

Тушино. Современный вид

И тако сия мужественная и властолюбивая жена, ища более, нежели ей надлежало, более затевая, нежели женские свойства снести могут, с великим нещастием, яко обычай всем сему подобным властолюбием, жизнь и славу свою с бесчестием окончила».

Перед смертью, в 1614 году, Мнишек в бреду якобы рассказала кому-то, что под Тушино, в подземелье, вместе с другими сокровищами, хранятся несколько книг Ивана Грозного. Всю библиотеку ее людям отыскать так и не удалось.

Фома – Лесной Бес

Александр Данилович не очень-то доверял непроверенным слухам и преданиям. Но хорошо запомнил, как в детстве сам побывал в Тушино.

Тогда Меншиков услышал от местных жителей, что Маринка была ведьмой и сумела накрепко заколдовать спрятанные сокровища.

Иногда, в короткие летние ночи, видели тушинцы, как по берегу реки ходит незнакомая женщина. Те, кто пытался приблизиться или подглядеть за ней, теряли рассудок. А старики утверждали: «То Маринка-ведьма, Ростригова женка, вернулась и проверяет, на месте ли сокровища...»

Слышал Александр Данилович в Тушино и предание об известном разбойнике-душегубе Фоме, по прозвищу Лесной Бес. Был тот Фома когда-то казаком у атамана Заруцкого. Мнишек поручила именно ему стеречь клад. Но при этом – колдовскими чарами лишила его разума.

Лютовал Фома в тушинских лесах много лет после смерти Маринки. Убивал и старого, и малого – любого, кто нечаянно приближался к месту, где в тайной пещере хранилось сокровище, вывезенное из Москвы.

Потом вдруг Лесной Бес пропал: то ли такие же разбойники погубили, то ли сам сгинул в болотах, или подался в дальние края.

Правда, ходила в народе и другая версия: будто Фома вдруг, – то ли от одиночества и тоски, то ли в великом подпитии, – плюнул на запреты и раскрыл в пещере один из сундуков Мнишек. Попалась ему какая-то колдовская книга. Только разглядел – как стал понимать слова и буквы. Мигом выветрился хмель, развеялись чары Маринки, вернулся разум.

И что он вычитал в книге? Неизвестно. Только вышел после того Фома из пещеры и удавился на первой же березе... Как говорили в народе: не выдержал разбойник неожиданного «поумнения».

Но уж в это предание Меншиков точно не поверил, даже в далеком детстве.

«Они – как живые»

– Словом, ты понял, что тебя ждет, – жестко произнес Александр Данилович. – Прямо сейчас и отправишься с моими людьми.

Осип заметно повеселел и развязно ответил:

– Твое слово, князь, – моя работенка. К вечеру «кладник» будет у тебя, а ты уж сам думай, как меня наградить...

Хотел было Меншиков денщика вызвать, но вдруг задумался:

– Погоди-ка... Если ты знаешь тайну московских сокровищ, почему сам не разбогател?

Осип усмехнулся:

– Каждому положен только один счастливый клад в жизни. Мой – еще в земле поживает и меня дожидается...

– Что ж ты с найденными сокровищами делаешь? – недоверчиво спросил Меншиков. – И как ты можешь определить: твой клад или не твой? Принесет тебе счастье или беду?

Осип хитро посмотрел на Александра Даниловича:

– То большая наука. Сокровища – они как живые. Сами знающему человеку нашептывают: где их искать и что с ними делать. Один отыщешь, а он подсказывает: отдай меня в церковь Иоанна Богослова под Вязами – там, на погосте, лежат убиенные лихими людьми те, кто копил меня и из-за меня погиб. А другой нашептывает: раздай меня нищим у собора Казанской Пресвятой Богородицы... А третий так и звенит своими монетками: пропей, не жалея, пропей с честным народом, угощай всех напропалую.

Меншиков ухмыльнулся – видно, понравились ему байки Осипа:

– А что будет, ежели кто отыщет клад и заартачится – не исполнит его волю?

– Беда случится... Либо царевы люди закуют в железо, либо разбойники зарежут, либо хворь неизлечимая погубит. Надо знать заветные слова для разговора с сокровищами, да самому уметь их слушать.

– Ох, и горазд ты брехать, – рассмеялся Александр Данилович. – Ладно, вечером поглядим, что за чудеса в твоём «кладнике».

«Прощайте, служивые!»

Вскоре Осип в сопровождении денщиков светлейшего князя добрался до берега Неглинки, где стояло несколько заброшенных изб. Кладоискатель уверенно прошел между ними и раздвинул густые заросли черемухи.

– А теперь, служивые, кто посмелей – за мной! – скомандовал Осип и указал пальцем на едва приметную нору. – Придется землице поклоняться да во тьме на брюхе поползать. Сокровища просто так не даются...

Денщики переглянулись в недоумении. Разве пролезть сюда человеку?

– Не робей, служивые! А то нырну один в землю, а вас князюшка попотчует тогда батогами... А хотите – и впрямь дождитесь меня здесь. Чего одежку пачкать? Я достану свой кладник и мигом вернусь.

Не понравилась такая речь денщикам: заподозрили неладное. Двое самых ловких, чертыхаясь и кряхтя, полезли в нору за Осипом.

– Свечей никто не догадался взять? – спросил кладоискатель, когда они доползли по узкому лазу до просторной пещеры.

Денщики только развели руками да проворчали нечто невразумительное.

– Ничего, с одной справимся, – успокоил Осип и зажег свечу. – Тут недалеко осталось. Идите на огонек, только не рядом со мной, а то он погаснет.

Послушались денщики, приостановились, а Осип со свечой свернул в невысокий проход.

Вдруг увидели они, как зажглись мгновенно такие же огоньки справа, слева, впереди, сзади... Откуда их столько?!.. Что за народ вдруг появился в подземелье?

Растерялись княжеские люди. Не поймут, куда поворачивать и какой огонек – Осипа.

Крикнули разом дрогнувшими голосами:

– Эй, не балуй!.. Дьявол пещерный!..

– Отзовись!.. Все одно не уйдешь!.. И мрак подземельный тебе не поможет!..

Тут же, словно от их возгласов, разом погасли огоньки. И уже откуда-то снизу, из глубины пещеры, послышался насмешливый голос Осипа:

– Проща-а-айте, служивые!.. А своему князюшке передайте: пушай теперь по всей Москве подземельной сокровища ищет... И скажите, что погубит его серебро и золото... Попомнит он мои слова скоро... скоро...

Жуткий хохот кладоискателя так гулко отозвался в темных проходах, что у денщиков от страха будто приросли ноги к земле.

– А еще передайте, что скоро я запалю его дом из своего подземелья. Попомнит князюшка плети, которыми угостил меня!..

Прошло немного времени, и в московском дворце Меншикова случился пожар. Правда, его удалось быстро потушить. Кто совершил поджог – достоверно не известно. Так же, как не известно, был ли пойман Осип. Шепталась дворня светлейшего князя, будто пожар во дворце – дело рук старого знатока московских кладов. Но доказать этого никто не мог.

Среди множества тайн Москва подземельная скрыла и эту.

Оберег с Беломорских берегов

«Будет жизнь полна ратных подвигов»

Он прожил всего лишь двадцать три года и пять месяцев. Сколько бы еще сделал для страны!.. Как изменилась бы история России, прими он царский венец и проживи подольше? Но известно: история не любит сослагательного наклонения. Что успел сделать – и того немало. Зря своих современников народ «надеждой Руси» не называет.

В ноябре 1586 года у боярина и князя Василия Федоровича Скопина-Шуйского и у его супруги Елены Петровны родился сын. Назвали его Михаилом.

М. В. Скопин-Шуйский

Старухи-ясновидицы, проживавшие в хоромах Скопиных-Шуйских, обратили внимание, что когда появился на свет младенец, «постаревшие» жемчуга на давно не востребуемых кокошниках и многочисленных одеяниях Елены Петровны вдруг все разом заиграли, оживились.

– Это добрый знак, – определили старухи. – Будет отныне «зеньчуг» вечным спутником и оберегом князюшке Михайле Васильевичу...

Сказали – будто приговор вынесли. Поверили им боярыня Елена Петровна и сам глава дома – Василий Федорович.

А еще ясновидящие предрекали младенцу Михаилу «жизнь стремглавую», полную ратных подвигов и побед, народной любви и зависти недоброжелательной...

Не ошиблись старухи. Современники Михаила Васильевича Скопина-Шуйского отмечали, что был этот юноша высокого роста, богатырской стати, обладал «большой силой духа» и «великия разумом».

Победы на поле брани и на переговорах

Ему не исполнилось и восемнадцати, когда он получил высокий по тому времени ранг стольника. А спустя два года, в 1606 году, после того как русский трон занял его родственник Василий Иванович Шуйский, Михаил стал воеводой.

Известный историк Василий Ключевский так писал о новом монархе: «По низвержении самозванца возведен был на престол князь Василий Шуйский, но возведен был не как Борис – без участия земского собора, а только партией больших бояр и преданной ему толпой москвичей, которых он поднял против самозванца и поляков.

Вступая на престол, царь Василий ограничил свою власть...

Царь обязывался никого не казнить, не осудя истинным судом с боярами своими, опалы преступника не распространять на его родню и семейство и имущества их не конфисковать, если они не участвовали в преступлении, доносов не слушать, ложных доносчиков наказывать, все дела решать по суду и следствию».

Двадцатилетний Скопин-Шуйский был направлен царем против мятежного войска Ивана Болотникова. Под Москвой, на реке Пахре, Михаил выиграл сражение. Несмотря на его ранение, государь Василий тут же назначил племянника командиром отряда царского войска, осаждавшего Тулу. Этот хорошо укрепленный город являлся последним оплотом армии Болотникова.

И снова молодой князь проявил себя талантливым полководцем. Храбро и упорно войско Болотникова отражало штурм и атаки осаждавшего Тулу противника. Но в начале октября 1607 года город был сдан.

Тогда за проявленную доблесть Михаил Скопин-Шуйский получил высокий чин боярина.

Василий Шуйский

Иван Болотников является с повинной к Василию Шуйскому

Весной 1607 года возобновились военные действия против России со стороны польских магнатов. На политическую арену они выдвинули Лжедмитрия II. Отряды интервентов осадили Москву, орудовали в северных землях России и даже добрались до Поволжья. Царь Василий Шуйский не смог оказать достойного отпора вражеским войскам.

В марте 1608 года он направил своего племянника боярина Михаила для политических переговоров со шведами в Великий Новгород. И здесь молодому военачальнику сопутствовал успех. Он проявил себя талантливым дипломатом. Шведы согласились выступить совместно с Россией против Лжедмитрия II и его польских покровителей.

Вскоре Скопин-Шуйский сумел собрать новый военный отряд из плохо обученных молодых дворян, вольных крестьян, казаков. На основательную подготовку их к ратному делу времени не было. Весной 1609 года Михаил со своим войском выступил на помощь Москве.

В июле, после упорных боев, молодой полководец освободил от захватчиков Тверь. Вскоре к его немногочисленной армии присоединились отряды из Заволжья, из Нижнего Новгорода и с северных русских земель.

Успешные действия войска Скопина-Шуйского вынудили интервентов снять осаду Троице-Сергиевой лавры.

Именно тогда князя Михаила стали величать «надеждой Руси».

«Носи всегда при себе...»

По преданию, в те дни, когда Троице-Сергиева Лавра освободилась от вражеской осады, явился туда с севера слепой богомолец. Попросил он, чтобы Скопин-Шуйский принял его.

Троице-Сергиева Лавра

Князь встретился со странником. После нескольких приветственных слов молодому полководцу достал богомолец из-за пазухи рыбий пузырь и протянул Михаилу Васильевичу.

– Прими, светлый богатырь, скромный дар от Беломорья...

Взглянул князь на подношение и удивился. В высохшем рыбьем пузыре находилась жемчужина. Таких крупных Михаилу Васильевичу еще не приходилось видеть.

Достал он ее и к пламени свечи поднес. А жемчужина словно того и ждала! Явила всю свою красоту, засияла голубовато-серебристым цветом.

– Откуда такое диво? – спросил князь.

– Проживают на Кемь-реке, что в Белое море впадает, знатные ловцы зеньчуга. Вот они-то и добыли это диво. Не дано мне увидеть красоту, зато его теплоту и живительную силу ощущаю, – пояснил богомолец и добавил: – Народ поморский не просто замечательный зеньчуг тебе дарит, а – оберег. Носи всегда при себе дар Белого моря и на пирах проверяй, каким вином тебя потчуют. Кинь в братину этот зеньчуг – он мигом и подскажет, не отраву ли тебе подали. От яда оберег угасать и хмуриться будет. Вот только и его охраняй от тьмы подземельной. Он воду любит, а не землю.

Поблагодарил Михаил Васильевич убогого странника, одарил щедро, по-княжески, подарками. На том и расстались.

А пожелание богомольца Скопин-Шуйский выполнял исправно. Носил заветную жемчужину всегда с собой. И на пирах проверял с ее помощью качество напитков.

Самое древнее украшение русских

На Руси в старину жемчуг называли «зеньчугом» и очень почитали его. Минералами этими расшивались одежды богатых и среднего достатка людей, украшались оклады образов и всевозможные церковные принадлежности.

У поэтессы Анны Присмановой есть такие строки:

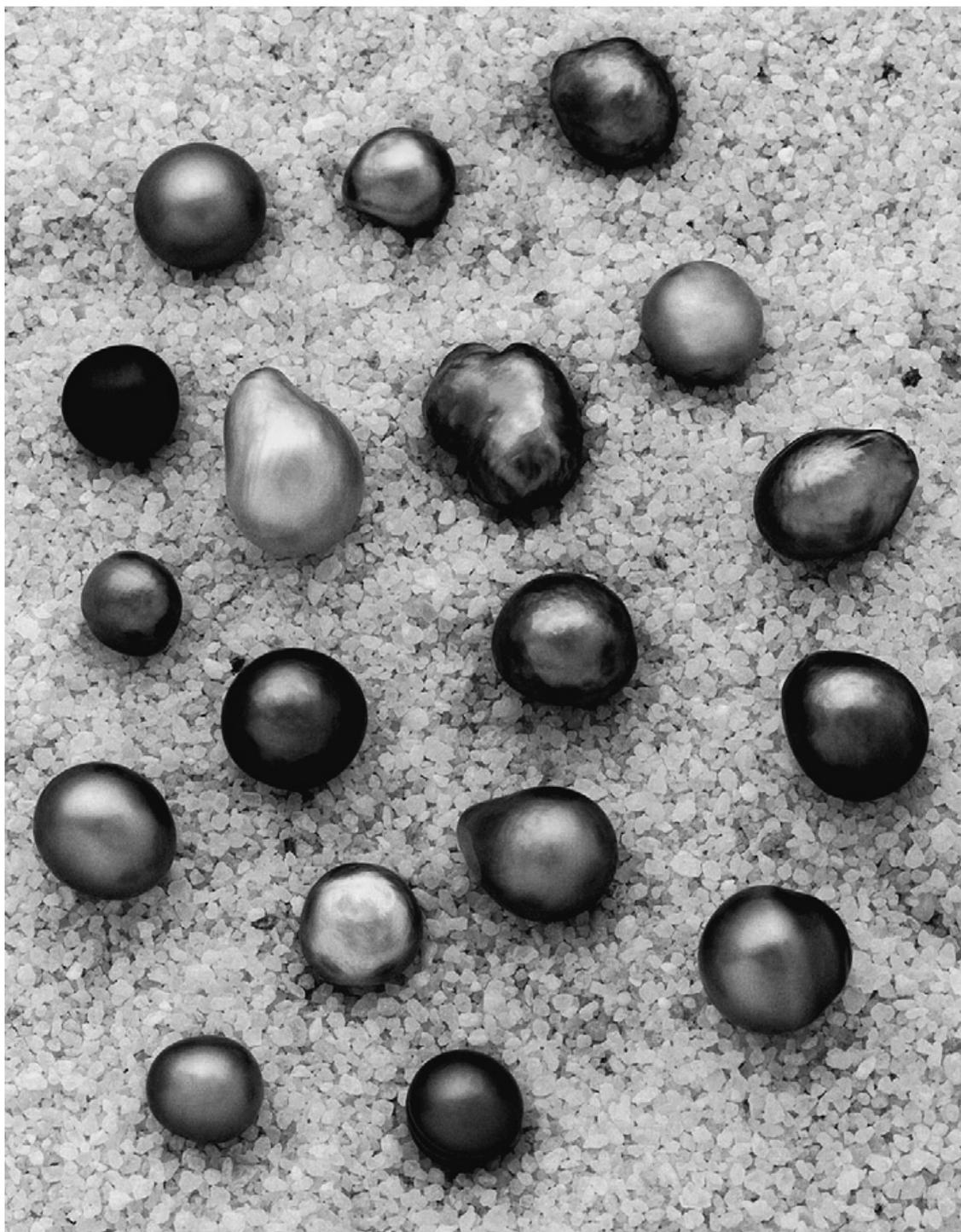
Слезу любви мы сами порождаем —
так устрицею жемчуг порожден.
Слезой мы никого не убеждаем,
но было так с начала всех времен.

.....

Сначала перл лежит в растворе соли,
внутри него песок иль паразит.
Но дав ему нетленный отблеск боли,
нас устрица сияньем поразит...

Известно, что жемчужина, или, как ее называют во многих западных странах, перл, зарождается в устрице. Появляется этот минерал благодаря защитному свойству моллюска.

Попавшая в раковину песчинка начинает обволакиваться перламутровым веществом. Проходит время, и затвердевшее вещество, выделяемое моллюском, наконец превращается в жемчуг.

На Руси в старину жемчуг называли «зеньчугом» и очень почитали его

В учебнике по минералогии, изданном в 1877 году в Санкт-Петербурге, написано: «Жемчуг считался самым древним украшением русских; трудно исчислить все те уборы, на которые он употреблялся; оплечья князей, запястья и кокошники их жен, оклады образов, церковные ризы, облачения и т. д. постоянно украшались жемчугом...

В начале XVI столетия новгородцы ездили за покупкой жемчуга в Азов и Кафу (Феодосия); при покупке жемчуга в чужих землях в Новгородской торговой книге рекомендованы следующие правила: „А купите жемчюг все белой чистой, а желтого никак не купите, на Руси ево никто не купит“. Впрочем, известны были также жемчуга и новгородские „не

малы, хороши и чисты“; они добывались тогда на реке Двине, в Холмогорах и в реках Великого Новгорода...

В старину в России лучший жемчуг называли „скатным“, т. е. круглым, катящимся. В старинных русских былинах, в сказках очень часто упоминается о нем. Так Илья Муромец, чтоб умилостивить злого царя Калину, подносит ему мису чистаго серебра, другую краснаго золота и третью скатнаго жемчуга».

У многих народов считалось, что этот минерал обладает целебными свойствами, повышает жизненный тонус, придает силы и предохраняет от ядов. В старинных русских книгах по медицине рекомендовалось употреблять порошок из жемчуга при: «золотухе, костоеде, развитии кислоты в желудке».

Известно, что этот дар морей и рек может стареть, высыхать и угасать. И, как говорилось в давние времена, – боится подземелий. Он существует примерно полтора-два века, а затем превращается в сероватый порошок.

Лет через пятьдесят после добычи жемчуг уже нуждается в лечении. В разных странах существует множество способов омоложения этого минерала. Его держат в соленой воде, в рыбьем пузыре, в специальных растворах, в желудках животных. На Руси существовали даже особые знахари, умевшие лечить и омолаживать «зеньчуга». В Москве этим искусством владели ведьмы, проживавшие на Пресне.

Бытовало поверье, что судьбы жемчуга и его владельца тесно взаимосвязаны. Когда хозяин болеет, то и минерал этот сразу делается тусклым. А когда владелец умирал, то и жемчуг его превращался в прах.

Восторги, зависть и интриги

В марте 1610 года войско Михаила Скопина-Шуйского разбило вражеские отряды на подступах к Москве и победоносно вступили в столицу.

Жители Первопрестольной восторженно встречали прославленного полководца. Вот только в царском дворце завистливые недоброжелатели князя Михаила Васильевича стали плести интриги.

В летописи того времени о Скопине-Шуйском сообщалось: «Московские же люди, видя ево приход к Москве и воздаша ему велию честь: встретоша ево честно и биша ему челом, что он очистил Московское государство и прииде ко царю Василию».

Царь же Василей ево пожаловал, а мнение на него нача держати по призде Резанском и видел то, что московские люди ему воздали честь великую и били ему челом со слезами.

...Дядья ж князь Михайловы князь Дмитрий Иванович Шуйской со княгиней, великую держажу на князь Михаила рень; чаяху, что он подыскивает под царем Василием царства; а про то убо и всей земли ведомо всем людям, что у него тово и в уме не было».

Почему во дни триумфа молодого полководца резко изменилось к нему отношение царя Василия Шуйского? Ведь государь любил своего племянника, щедро награждая его за воинские подвиги и дипломатические успехи.

Наверное, секрет этот заключался в том, что Скопин-Шуйский, пополнив свое войско, собирался к решающей битве с интервентами. Он надеялся полностью очистить Русь от завоевателей. Главные силы противника в это время осаждали Смоленск. Но, кроме этого, на страну совершались набеги крымского хана. Непокойно было и на Кавказе, и в Заволжье.

Тревожная обстановка на Руси отразилась в песне той поры о Михаиле Скопине-Шуйском:

А и деялось, учинилося:
Кругом сильна царства Московскаго.

Литва облегла со все четыре стороны,
А и с нею сила – сорочина долгополая,
И те черкесы пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами...

Польские, литовские феодалы, опасаясь талантливого русского полководца, решили нанести ему упреждающий удар, но не на поле брани, а в самой Москве, в царских хоромаш.

Провокационное предложение и хитрость царя

Существует предположение, что для этой цели был подкуплен рязанский дворянин Прокопий Ляпунов. В 1605 году он перешел на сторону Лжедмитрия I. А во время крестьянской войны был одним из руководителей армии Ивана Болотникова. Но спустя несколько месяцев Ляпунов переметнулся на сторону царя Василия.

В дни триумфа и подготовки к походу Скопина-Шуйского этот переменчивый дворянин предложил ему «ссадить» венценосного дядю и самому стать государем. Князь Михаил отверг провокационное предложение. Но слух о такой возможности пошел по Московии.

По своему ли желанию Прокопий Ляпунов стал нашептывать Скопину-Шуйскому о замене царя или по наущению польских феодалов – точно неизвестно. Однако, есть документальные подтверждения, что весть о мнимом заговоре достигла Василия Шуйского и весьма напугала его. Хоть и обещал он при воцарении несколько месяцев назад не обращать внимания на доносы, но с князем Михаилом решил разобраться. Вдруг и в самом деле задумал талантливый племянник устроить переворот и венчаться на царство?..

В своих трудах известный историк Василий Никитич Татищев писал о том, как государь вызвал Михаила Скопина-Шуйского и, «...призвав его к себе, нечаянно стал ему говорить, якобы он на царство подыскивается и хочет его, дядю своего, ссадя, сам возприять и якобы он уже в том просящему его народу обещание дал.

Скопин же против того со всею покорностию невинность свою в том утверждал и показывал, что ему о том, кроме Ляпунова, никто не представлял, и он никому никаких видов к тому не дал. А что Ляпунова письма изодрал, оное учинил, уничтожая то яко бездельное дело, и ему на то, яко недостойному, никаково ответа не дал. И потому от сожаления, а наипаче от воздержания младости ему, дяде своему царю Василию, истину доносил, в чем на него весь народ жалуется, и просил его, чтобы он, опасаясь бога и храня свою честь, от всех тех тиранств и хитрых вымышляемых людем утеснений отстал и более б жизнью, нежели гублением, народ к себе привлекал. И розсуждал, что ему лучше добровольно корону другому отдать, нежели ожидать насильного отъятия...

Царь Василий же притворялся, весьма умильно ему на то отвечал: „Я на то согласен, ежели то с пользою отечества моего быть имеет. Но прежде хочу, чтоб польские войска вышли и воры усмирены были, дабы выбор был вольной, а не принужденной“. И хотя Скопин паки ему говорил, что он желает его на царстве утвердить и за то живот свой положить, токмо просит о переменении поступков, но царь Василий жестоко на него тайною злобою возгорелся...»

Замысел Екатерины Шуйской

Не только Прокопий Ляпунов содействовал недовольству царя против талантливого полководца. Немалую роль в этом сыграла и родная тетка Михаила Васильевича Екатерина

Григорьевна Шуйская. Она была женой брата царя и дочерью знаменитого сподвижника Ивана Грозного – Малюты Скуратова.

В начале апреля 1610 года в терем к Екатерине Шуйской явилась незнакомка. Княгиня приняла ее, а слугам велела не мешать беседе. Как потом утверждала молва, гостя была ведьмой с Пресни. Из тех, что совершают обряды и набирают силы в тамошних подземельях.

Старуха якобы передала Екатерине Шуйской мешочек с жемчугами. От кого был подарок – неизвестно. Однако прошли по Москве слухи, что жемчужины передали польские военачальники.

Одна сенная девка Екатерины Шуйской после заявила, будто слышала разговор своей госпожи со странницей. Всего сказанного она не поняла, но в беседе звучали следующие слова: «Наш зеньчуг в пресненских подземельях выдержан, вобрал в себя темные силы. Так что сладит с его зеньчугом... Только изыми у своего племянника оберег, когда будешь потчевать неодолимым зельем...»

Может, девка все выдумала, но Екатерина Шуйская действительно попросила на денек другой заветную жемчужину у своего племянника. Сослалась на то, что хочет показать кому-то прекрасный дар из Беломорья.

Доверчивый князь Михаил отдал оберег тетке. А на следующий день, накануне отъезда на войну, его пригласили в дом князя Воротынского крестить младенца.

Там Екатерина Шуйская преподнесла племяннику чарку хмельного меду. Ничего не подозревавший Михаил выпил, не проверив напиток своим оберегом.

Вкус меда показался Скопину-Шуйскому странным. Он потребовал у тетки вернуть ему заветную жемчужину, но та заверила, что отдаст ее завтра.

В Средние века сияющий дар морей и рек шел не только на украшения и изготовление лекарств. В Европе в те времена умели делать яды, в состав которых входил обработанный каким-то веществом жемчуг. Потом минерал выдерживали несколько дней в подземелье. А после этого – превращали в порошок и отваривали с травами. Так якобы изготавливался яд, быстро растворимый в напитках.

Падение дома Шуйских

На следующий день после теткингого угощения Скопин-Шуйский скончался.

В летописи того времени отмечалось: «...князь Михайло Васильевич впаде в тяжек недуг, и бысть болезнь его зла: безпрестани бо идяше кровь из носа. Он же сподобися покаянью и причастия божественных тайн телу и крови господа Бога нашего и соборовался маслом и предаде дух свой, отиде от суетнаго жития сего в вечный покой.

На Москве же плач бысть и стонание велике, яко уподобитися тому плачу, како блаженныя памяти по царе Федоре Ивановиче плакаху. Царь же Василей повеле его погресть в соборе у архангела Михаила в пределе у рожества Иоанна Предтечи.

Мнози же на Москве говоряху то, что испортила ево тетка ево княгиня Катерина...»

О смерти Скопина-Шуйского впоследствии народ сложил песню:

Ино что у нас в Москве учинилося —
С полуночи у нас в колокол звонили?
А расплачутся гости москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!»
А съезжались князи-бояря супротиво к ним,
Мстисловской-князь, Воротынской,

И между собою они слово говорили,
А говорили слово, усмехнулись:
«Высоко сокол поднялся
И о сыру матеру землю ушибся!»
А расплачутся свецкие немцы:
«Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!»
Побежали немцы в Нов-город
И в Нове-городе заперлися
И многой мир-народ погубили
И в латынскую землю превратили...

Не стало талантливоего полководца, а для семейства Шуйских начались черные дни.

Василий Татищев писал об этом периоде: «А чрез смерть сего великаго воеводы царь Василий и его братья всю возобновленную в народе любовь потеряли, и суще сие едино за наибольшую причину лишению престола и живота как царя Василия, так и всея его фамилии, разорение почитаться может, чрез которое и все государство в наказании от всевышнего творца крайнее разорение претерпело».

В апреле 1610 года во главе русского войска был поставлен брат царя Дмитрий Шуйский. Перед его отъездом из Москвы Екатерина преподнесла супругу жемчужину – оберег их племянника.

Но то ли «пылающий зеньчуг» хранил верность и приносил удачу лишь своему прежнему хозяину и мстил за него новому, то ли князь Дмитрий был полной бездарностью. А может – и то и другое. В июне 1610 года возглавляемая им русская армия потерпела сокрушительное поражение.

Горсть серого пепла

Не прошло и месяца после этого, как Василий Шуйский был свергнут. Возглавлял переворот брат Прокопия Ляпунова Захарий. Власть в стране перешла к боярскому правительству. В истории этот период назван Семибоярщина. В августе 1610 года ее участники заключили предательский для Руси договор с поляками, а затем впустили армию интервентов в Москву.

Судьбу тайных и явных противников Скопина-Шуйского не назовешь счастливой. Царь Василий и его братья были схвачены поляками и доставлены в Варшаву. Свергнутого и опозоренного русского самодержца заключили в Гостынский замок, где вскоре он умер.

Почти в то же время был убит казаками продажный Прокопий Ляпунов. Его брат Захарий некоторое время скрывался, как ни странно, в подвале дворца Екатерины Шуйской. Неизвестно, почему она приютила человека, стоявшего во главе заговора и арестовавшего ее мужа. Еще одна измена?..

Однако и Захарий Ляпунов, и княгиня Екатерина не надолго пережили своих родственников. Ходили по Москве слухи, что Шуйская была отравлена тем же ядом, которым она погубила своего племянника. А через несколько дней на улице, неподалеку от Арбата, нашли удушенного ремешком Захария Ляпунова.

Когда разбирали драгоценности скончавшейся Екатерины Шуйской, обнаружили в одной маленькой шкатулочке горсть серого порошка. И кто-то из знающих людей предположил:

– Это верный Беломорский «пылающий зеньчуг» ушел вслед за хозяином. Для князя Михаила Васильевича он был оберегом, а для его противников – мстящей силой. Отнесем же сей прах зеньчуга на могилу хозяина...

Похождения «Фиолетовой удачи»

«Приятнейший для глаз камень...»

У московских подземелий есть какая-то загадочная взаимосвязь со всевозможными событиями, происходящими в далеких и близких уголках планеты в различные времена. Так утверждали бывалые исследователи столичных недр в прошлом веке.

В старину считалось, что этот самоцвет имеет власть над разумом, удачей и стихиями, влияет на силу и направление ветра и при изменении погоды – меняет свою окраску, помогает человеку видеть в темноте. Поэтому его нередко брали с собой в плавание и – опускаясь в пещеры.

В книге Николая Щеглова «О драгоценных камнях», изданной в 1824 году, сказано, что аметист «...никогда не находится большими массами и даже в одном большом кристалле цвет его не бывает ровен...».

Аметист принимает вообще хорошую полировку и в великом употреблении с самых давних времен.

Золотая оправка возвышает красоту его и, после изумруда, он есть самый приятнейший для глаза камень...».

В популярном в Москве лечебнике XVII века сообщалось об аметисте: «...сила того камня есть: пьянство отгонять, мысли лихие; добрый разум делает и во всех делах помощь дает».

Аметист «в великом употреблении с самых давних времен»

А еще ему приписывалась способность помогать человеку найти выход из любого, самого запутанного, подземелья.

Владельцу этого самоцвета всегда везет в азартных играх, а если он нищенствует, то может рассчитывать на щедрое подаяние. Правда, непонятно, зачем удачливому игроку просить милостыню.

Легендарный граф Сен-Жермен советовал тем, кто отправлялся по разным причинам в пещеры, обязательно брать с собой аметист.

Этим камнем украшались короны государей, оклады икон, панагии, епископские митры, церковная утварь. А многие состоятельные люди вправляли его в талисманы и обереги.

До XVIII века аметисты привозились в Россию в основном из азиатских стран. Но во времена императрицы Екатерины II эти минералы были обнаружены на Урале.

Академик Александр Ферсман отмечал, что «...уральский аметист не имеет себе равных среди бразильских и цейлонских камней».

В то время как аметист других месторождений при искусственном освещении теряет свою игру и всю красоту и сочность тона, русские камни сохраняют свой блеск, а камни Тальяна около Мурзинки или Санарки даже загораются кровавыми отблесками».

В XVIII веке произошло как бы официальное открытие уральского месторождения аметиста. Но задолго до этого о нем уже знали народы и племена Западной Сибири и русские первопроходцы.

Различными путями уральские аметисты оказывались не только в московских дворцах, теремах и богатых домах, но и в подземельях.

Соперники

Ни о ком из живших на Руси в XVI веке простолюдинов не сложено столько песен, былин, легенд, как о Ермаке.

Уже примерно четыре столетия назад и в Московии, и в Поволжье, и в Приуралье, и в Западной Сибири звучала эта песня:

Не звонка-то труба,
Не громка речь возговорила, возговорила —
Говорил-то атаман
Сам Ермак-то Тимофеевич, Тимофеевич:
«Уж вы послушайте-ка,
Ребятюшки, дайте думушку мне одумати!
Как проходит лето теплое,
Настает зима холодная, холодная.
Уж и где-то нам, ребята,
Зимушку-то долгу зимовать, зимовати?
Нам на Волге быти —
Нам на Волге все ворами слыть,
ворами слыть;
На Яик идтись нам —
На Яик-то переход велик, переход велик;
Под Казань идтись нам —
Там стоит Иван Васильевич Грозный царь.
У него-то много силушки,
Силушки той сто сорок тыщ,
сто сорок тыщ.
Идтись, не идтись нам
На Иртыш-реку великую на сибирскую.
Мы возьмем-то в полон,
Возьмем в полон Тобольск-городок,
славный город.
А как взяли город,
Пройдем к царю да поклонимся,
воспокаемся...»

В исторических записках под названием «Пермская старина» о легендарном атамане Ермаке говорится: «... и оной Василий был силен и велеречив и востр, ходил у Строганова на стругах в работе по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость и, прибрав себе дружину малую, пошел от работы на разбой и от них звався, атаманом, прозван Ермак».

Хоть и много сложено о Ермаке песен, былин и преданий, но до сих пор точно неизвестно его происхождение. Откуда он родом? Где и как проходило его детство? На эти вопросы существуют разные версии. Одни считают Ермака донским казаком, другие — уральцем, третьи полагают, что он выходец из суздальской или вологодской земли.

Ни о ком из живших на Руси в XVI веке простолюдинов не сложено столько песен, былин, легенд, как о Ермаке

Гибель атамана

Документально подтверждаются факты из биографии Ермака примерно с 70-х годов XVI века, когда Иван Грозный приказал известным предпринимателям Строгановым создать с помощью вооруженных отрядов форпосты на реках Иртыш и Обь. Небольшое войско из 540 человек возглавил Ермак.

Главным противником его был непокорный хан Кучум. В 1581 году русский отряд разбил войско владыки Западной Сибири.

Потом было немало сражений между воинами Ермака и Кучума. Русские одерживали одну за одной победы над ханом. Но тот не сдавался и отказывался покориться.

Царь Кучум с домочадцами

Не раз Ермак заявлял своим казакам, что пока не будет сломлен Кучум, не видать им полной победы.

Летом 1584 года воины хана сумели нанести неожиданный удар противнику. Небольшой отряд русских был разгромлен. Спасаясь от преследователей, Ермак бросился в приток Иртыша – Вагай и попытался доплыть к стругу. Но подвела подаренная царем тяжелая кольчуга. Снять ее раненый атаман не смог...

Когда Кучум узнал о гибели Ермака, он не стал праздновать победу, а своим приближенным сказал: «Я потерял врага и соперника, Русь потеряла великого воина. Однако, нет радости в моем сердце, ибо соперника такого, как Ермак, у меня уже никогда не будет».

Бегство

После гибели своего главного противника властитель Сибирского ханства еще долго продолжал оказывать сопротивление русским. Его набег, неожиданные атаки прекратились лишь когда в 1598 году Кучум потерпел окончательный разгром.

В работе Василия Татищева отмечалось: «Того ж года в Сибири из Тары ходили воеводы на царя Кучума, оного войско разбили и взяли его 8 жен, 3-х сыновей, которых прислали в Москву. И за то оным воеводам и служивым даваны были золотые, а Строгановым великие земли в Перми. Царевичам же определил безскудной корм и честное содержание».

Ему удалось бежать от преследователей. Но так же, как точно неизвестны и год и место его рождения, до сих пор не выяснено, где и когда он умер.

Конечно, о последнем властителе Сибирского ханства сложено меньше песен и преданий, чем о его сопернике – атамане Ермаке. И пока лишь по сохранившимся легендам можно строить предположения о происхождении, о бегстве, о спрятанных сокровищах и о последних днях Кучума.

«Не называй его имя»

Когда в 1563 году Кучум разбил войско данника Ивана Грозного – хана Едигера, сверг его и провозгласил себя властелином Сибирского ханства, к нему прибыл откуда-то с далеких южных гор странник.

– Ты, Кучум, потомок непобедимого Темучина – Чингисхана, я происхожу из великого рода шаманов Тэгу, – сказал пришелец. – Мои предки передали владыке Востока многие знания. Именно они захоронили Чингисхана и девять его сокровищ так, что до заветного часа их никто не отыщет.

– Ну а мне ты выдашь тайну моего великого предка? – спросил Кучум, с подозрением разглядывая собеседника.

– И тебе не имею права открыть ее. Да свершится скорее второе пришествие Чингисхана в наш мир! – смиренно ответил странник. – Все, что унес с собой великий воин в иную жизнь, принадлежит только ему. Тебе же за блистательные победы и подвиги Чингисхан подаст особый знак. Ночью ты должен один уйти в степь. Всмотрись в звезды, прислушайся к ним и тогда почувствуешь, где остановиться. На том месте и совершай обряд «молчаливого разговора» с великим воином. Не шевелись, пока не смолкнет его слово, обращенное к тебе.

Кучум странника послушался и в первую же ночь отправился в степь.

Что происходило там – никому из приближенных он не рассказал, а велел вдруг ни с того ни с сего своим воинам вернуть хромого жеребенка, предназначенного в жертву для озера Чаны.

Странник одобрил это и сказал хану:

– Вырастет из него добрый скакун. Имя его ты уже услышал во время обряда «молчаливого разговора» с Чингисханом. Но никому это имя не называй. Отзываться конь будет только на твой свист...

Огонек на погребальном холме

Покинул вскоре хана таинственный странник. А жеребенок через некоторое время и в самом деле превратился в прекрасного скакуна.

Дивились воины Кучума: раньше в сражении для него держали двух запасных коней. Теперь же предводитель отказался от них и доверял в сражениях только одному жеребцу – откликавшемуся на свист.

Слуги хана пытались объяснить своему владыке, что безымянный конь – плохая примета. Ведь от далеких предков известно: такой скакун в любой момент может унести вместе с всадником в иной мир, когда поманит его великий воин Чингисхан.

Опасения приближенных Кучума оказались напрасными. Отзывавшийся только на свист жеребец верно служил хозяину, и не брала его в бою ни стрела, ни пуля вражеская, ни удары копья и сабли. Казалось, он приносит властителю Сибирского ханства удачу и будет это продолжаться еще долгие годы.

Но однажды во время сражения Свист-скакун неожиданно вздыбился, и стрела, предназначенная Кучуму, пронзила голову коня. Так он спас своего хозяина.

После боя хан велел похоронить верного скакуна как воина. А потом приказал всем удалиться. Целый день грустил Кучум у могилы друга, а ночью увидел на погребальном холме огонек. Нагнулся, протянул руку, и в ладони у него оказался прекрасный крупный аметист.

Не зная сам зачем, хан свистнул, и в ответ послышалось – то ли с небес, то ли из-под земли – знакомое ржание. Понял Кучум: это добрая примета. И отныне самоцвет, похожий на глаз погибшего коня, будет надежным талисманом.

Приказал он сделать для аметиста оправу и цепочку из золота и стал носить фиолетовый камень на груди. И снова владыке Сибирского ханства сопутствовала удача. А воины Кучума утверждали, что когда их предводителю грозит опасность, то камень «Око Свист-скакуна» начинает сиять. И от его волшебного света даже в беззвездную ночь видна самая неприметная дорога. А когда Кучум промчится по ней, непроглядная темень мгновенно сгущается, да так, что враги хана не могут осветить ее никакими факелами.

И призвал его к себе

Казакам каким-то образом удалось выкрасть у Кучума «Око Свист-скакуна». И с той поры удача отвернулась от хана. Войско повелителя Западной Сибири стало терпеть поражение за поражением, пока не было окончательно разгромлено. Его друзья и родные – одни погибли, другие попали в плен к русским, а третьи – бежали на чужбину.

Один из русских воевод прислал к бывшему повелителю Западной Сибири гонца с предложением смириться и перейти под власть Москвы. Но Кучум гордо ответил: «Если я не пошел к Московскому царю в лучшие свои времена, то пойду ли теперь, когда я слеп, и глух, и нищ?..»

Говорили, что бывший правитель Западной Сибири бежал в земли, где расположены таинственные чудодейственные озера. Там он когда-то спрятал несколько кладов для своих сыновей. Но дети погибли, а самому одинокому старому Кучуму достать те сокровища было не под силу. Да и ни к чему уже стали хану богатства.

Совершил Кучум свой последний обряд «молчаливого разговора». Чингисхан снова подал знак далекому потомку и на этот раз призвал его к себе.

В течение какого-то времени в землях, где располагались чудодейственные озера, казакам попадались старики, похожие на Кучума. Их пытали, выпрашивали о сокровищах, но добиться ничего не могли.

Где на самом деле завершил свой земной путь последний властитель Сибирского ханства, пока остается невыясненным. Но некоторые знатоки древних тайн предполагают, что умер или был убит Кучум в Западной Сибири, где-то в районе Окунева, на берегу Шайтан-озера.

Новый владелец аметиста

Неизвестно, как легендарный камень, спустя несколько десятилетий, оказался в Москве, у нищего Матвея. Не сообщает предание и фамилии нового владельца «Ока Свист-скакуна».

Странно, конечно, что великолепный дорогой аметист на золотой цепочке попал в руки нищего и долгое время был его амулетом.

Матвей тщательно оберегал его, не расставался с ним и не продавал, поскольку фиолетовый камень притягивал к себе щедрые подаяния.

Сам владелец «Ока Свист-скакуна» уверял всех, что он из служивых дворян. Возможно ли такое: нищий оборванец – и вдруг дворянин?!..

Н. И. Костомаров

Известный историк Николай Иванович Костомаров писал о быте и нравах в XVII веке: «Вера, что подача нищему есть достойное христианское дело и ведет к спасению, породила толпы нищенствующих на Руси. Не одни калеки и старицы, но люди здоровые прикидывались калеками.

... Часто дворяне и дети боярские, пострадавшие от пожара или неприятельского нашествия, просили милостыню, стыдясь заняться какою-нибудь работой. Если такому попрошаю скажут, что он здоров и может работать, дворянин обыкновенно отвечал: „Я дворянин, работать не привык; пусть за меня другие работают! Ради Христа, Пресвятыя Девы и святого Николая Чудотворца и всех святых подайте милостыню бедному дворянину!“ Часто такие лица, наскуча просить милостыню, переменяли нищенское ремесло на воровское и разбойничье».

Вообще, прося милостыни, нищие возбуждали сострадание унижительными причитаниями, например: «Дайте мне и побейте меня. Дайте мне и убейте меня!» Другие читали нараспев духовные стихи жалобным голосом. Благочестивые люди приходили в умиление от этого рода песен. Между нищими вообще было множество злодеев, способных на всякие незаконные дела. В XVII веке они крали детей, уродовали их, калечили руки и ноги, выкалывали глаза и, если жертвы умирали, то их хоронили в погребках, а если переживали муку, то возили по селениям, чтобы возбуждать видом их страданий участие. Случалось,

что вдруг пропадет дитя, игравшее где-нибудь на улице: «его сманивали нищие, соблазняя яблоками и орехами».

И все же, несмотря на подобные случаи, нищим подавали милостыню, кормили их и одаривали старой одеждой. Особенно широко это делалось в XVII веке, после Смутного времени.

Когда началось экономическое восстановление России, с воцарением Романовых, Москва стала богатым городом. Сюда стекались товары из многих стран мира. Укреплялось русское купечество, процветали различные ремесла. А где состоятельные купцы и ремесленники – туда стягиваются и всевозможные нищие. И вполне вероятно, что разорившийся дворянин-оборванец Матвей тоже потянулся в Первопрестольную.

Завистники

Может, и в самом деле аметист приносит удачу в попрошайничестве? Бывали дни, когда вдруг угасала щедрость богатых москвичей, и нищие ничего не получали. Но даже в такие проклятые для побирушек дни Матвей не оставался в накладе: что-нибудь ему да подавали.

Его товарищи, христорадничающие у церкви Никиты «за Яузой», на Швивой горке, строили жалобные мины, стонали, охали, пускали слезу, просили страдальческими головами, но прохожие равнодушно шли мимо.

А Матвей тем временем доставал из-за пазухи аметист, целовал фиолетовый самоцвет, будто нательный крест, и снова прятал. При этом он не произносил ни слова. Нагло ухмылялся в лицо прохожим, а те все равно подавали ему монету или что-нибудь из съестного.

В неудачные для остальных нищих дни Матвей еще и куражился над товарищами:

– Чтой-то належке вы сегодня, братцы! Кривились-куксились, а фарт мимо прошел! А вот я не знаю, как свою суму до кабака донести! Больно отяжелела за день!.. Подсобите, коли ни на что другое не пригодны...

Подобные насмешки еще больше злили нищих. Несколько раз пытались они украсть у Матвея аметист, да не удавалось. Подговаривались и залетные разбойнички. Но удачливый побирушка-дворянин умудрялся ловко ускользнуть от ножей и кистеней.

Однажды босяки, подкупленные нищими, крепко напоили Матвея в кабаке «Лохань», неподалеку от Швивой горки. Свалился он под лавку. А босяки – его в мешок и потащили к Яузе топить.

У берега место оказалось неглубокое. Один остался стеречь мешок с пьяным Матвеем, а двое отправились искать лодку.

Вспомнил вдруг оставшийся босяк, что позабыл снять с нищего золотую цепочку с красивым камушком, и развязал мешок. А Матвей уже пришел в себя и выжидал. Двинул он кулаком по голове обидчика и – наутек.

На другой день явились с утра нищие на Швивую горку, к церкви Никиты «за Яузой», глядь – а Матвей, живой и невредимый, ухмыляется во все стороны да свой самоцвет целует.

Хромая Калгуса

Не на шутку обеспокоилась нищая братия, снова стали голову ломать, как избавиться от Матвея с его чародейским камнем. Вспомнил кто-то из оборванцев про ведьму – хромую Калгусу. Жила она в пещере Таганского холма и, по слухам, водилась с подземельными духами.

Выслушала ведьма нищих и ответила:

– Беду вашу и кручину развею. Награды за это не потребую, заберу только чародейский камень, как с молодцем вашим совладаю.

Показали нищие издалека своего соперника, и хромая Калгуса приступила к черной ворожбе.

Подошла она к Матвею и попросила:

– Покажи-ка мне, молодец, свой расчудесный самоцвет. Говорят, ты его вместо креста нательного носишь. По всему городу молва идет о нем. А за погляд я тебя серебряной монеткой одарю.

Усмехнулся Матвей:

– Отчего ж не показать? Гляди, убогая, только руками не трогай. Да про копеечку серебряную не забудь.

Вгляделась ведьма в аметист и аж затряслась – то ли от страха, то ли какое-то наваждение охватило ее.

– Да это ведь «Око Свист-скакуна»!.. Вон и хромец железный в глубине камушка появился. Ишь, как угрюмо выпучился оттуда и перстом грозит... Не то прочь гонит, не то к себе зовет...

Пробормотала ведьма и умолкла. Ничего не понял Матвей.

– Какого ты хромца железного узрела в моем самоцвете?

– Зовется тот хромец Чингисханом. И будет лютая погибель тому, кто встретится с ним взглядом, – прошептала ведьма и протянула серебряную монетку Матвею. – Отдай мне свой камушек. Место ему – в подземелье. Там он пользу принесет. А на белом свету от него одни беды.

Спрятал Матвей монету и засмеялся.

– Ступай, убогая. Стращай детей малых да олухов неразумных. Тыщу раз вглядывался я в свой самоцвет и не видал там никакого железного хромца.

– А ты посмотри в тыщу первый!.. – зло отозвалась ведьма и исчезла в толпе.

«Отведи, сатана, мучительный взгляд»

Не стал Матвей смотреть на аметист. Как обычно, поцеловал камень и принялся мило-стынно собирать.

Подавали ему в тот день не меньше, чем в другие дни. А к вечеру почувствовал Матвей неясное беспокойство. Отправился он в свой родной кабак. Уж там-то все волнения и страхи быстро улетучатся!

Но в этот раз выпивка не помогала и хмель даже от тройной померанцевой водки не брал. А чувство беспокойства все нарастало. Неужели старая ведьма напакостила? Наконец, рука будто сама по себе потянулась за пазуху.

В который раз вгляделся Матвей в самоцвет, и вдруг в жар бросило! Из холодной фиолетовой глубины, не мигая, угрюмо смотрел старик. Глаза его становились все больше. Матвей даже разглядел треугольный шрам над левой бровью незнакомца и еще один неглубокий шрам в форме полумесяца – под правым глазом.

Ахнул от страха Матвей, будто девица, да так громко, что все посетители кабака обернулись. А нищий-дворянин забился в припадке. Сорвал с себя золотую цепочку и стал вопить.

– Отведи, сатана, свой мучительный взгляд! Пошто, вражина, вьелся в душу черным взором?!.. Ворочайся, откуда явился, – в подземелье...

Упал Матвей на пол и принялся кататься.

– Отведи взгляд! Отринь, поганая нечисть!..

Многое повидали на своем веку посетители кабака «Лохань». Но такое исступление встретили впервые.

Никто вначале не знал, что делать с припадочным. А тут вдруг, откуда ни возьмись, появилась хромая Калгуса. Преспokoйно подняла она аметист, а кабацкому целовальнику швырнула три алтына.

– Заверните-ка этого порченного в старую козью шкуру и держите так до утра! Тело его сохранится, а вот разум уже не вернется!.. – визгливо крикнула ведьма и вышмыгнула из кабака.

Забулдыги и целовальник тут же все исполнили. Обернули Матвея в козью шкуру, он и затих.

А утром будто подменили его. Бродил дворянин-оборванец по городу с вытаращенными глазами и все время озирался: то ли нечисть ему какая-то виделась, то ли свою погибель поджидал. Да еще, ни к кому не обращаясь, постоянно бормотал:

– Отведи взор, железный хромец!.. Отринь, стародавняя нечисть!..

А через пару дней Матвея нашли на окраине Заяузья, в яме, из которой добывалась глина. Шея у него была свернута, глаза широко раскрыты, а лицо и лохмотья кровью вымазаны.

Испуганные глинщики потом уверяли, что, когда они закрывали покойнику глаза, в них виделся неведомый всадник.

О колдунье Калгусе и о ее черных деяниях, вплоть до XX века, в Заяузье ходили предания. Говорилось в них, что как жила страшная старуха в пещерах Таганского холма, так и померла там. А где именно – никто не знал. Вместе с ней затерялся во тьме подземелья и роковой аметист «Око-Свист скакуна».

Любимое занятие

В XVIII веке о таинственном фиолетовом самоцвете на золотой цепочке снова заговорили. Но на этот раз не среди нищей братии, а в светских салонах Санкт-Петербурга и Москвы.

Конечно, доказать трудно, шла ли речь именно о кучумовом «Оке Свист-скакуна» или о похожем на него крупном и прекрасном аметисте. Среди любителей азартных игр талисман этот называли «фиолетовой удачей». В светских салонах поговаривали, что когда-то он принадлежал последнему властителю Сибирского ханства, а потом его отыскал в московском подземелье какой-то оборванец.

Азартные игры в России процветали уже в XVII веке. Самыми распространенными были: зернь, карты, тавлеи (шашки) и даже шахматы.

Николай Костомаров писал, что зернь, как и карты, считались в России самыми предосудительными играми: «...воеводам предписывалось наказывать тех, кто будет ими заниматься... Игры эти... были любимым занятием лентяев, гуляк, негодяев, развратных людей; пристанище их было в корчмах или кабаках, где им для игры отводили тайные кабацкие бани. Как бывает всегда со всем запрещенным, по мере больших преследований зернь и карты более привлекали к себе охотников. Игры эти были повсеместны, особенно между служащими людьми. Русские распространили употребление их между инородцами Сибири: остяками, татарами и другими, и так как русские играли лучше инородцев, то оставались всегда в выигрыше и приобретали от них дорогие меха».

Костомаров отмечал, что, несмотря на строгие церковные и административные запреты азартных игр, будущему царю Алексею Михайловичу в детстве не раз дарили колоды карт.

В XVIII веке в России играли и в царских дворцах, и в бедных избах. За ночь спускались целые состояния. Одни за несколько часов становились богачами, другие – нищими. На кон ставились деньги, дома, имения, крепостные, драгоценности и, конечно же, ювелирные украшения из самоцветов и золота.

В больших и малых городах России появилось много шулеров и изготовителей амулетов, якобы приносящих удачу в азартных играх. Делались они из различных материалов. Дерево, кость, железо, стекло, драгоценные камни и металлы – все шло на изготовление цепочек, перстней, кулонов, браслетов, табакерок, булавок, пуговиц, – которые наделялись волшебными свойствами приносить своим владельцам удачу в азартных играх.

Считалось, чем древней талисман, чем богаче и таинственней его история, тем большей он обладает магической силой.

Так же, как и о знаменитых людях той поры, об амулетах распускались всевозможные слухи и слагались легенды. От красочности преданий зависела и цена этих предметов.

Смерть в подземелье Кузнецкого моста

«Око Свист-скакуна» (если это был именно он) появился из долгого и таинственного небытия в нужное время, в нужном месте. Прекрасный фиолетовый самоцвет стал своеобразным любимцем и предметом зависти в светских салонах Санкт-Петербурга и Москвы. Его несколько раз перекупали, дарили, передавали по наследству, но никогда не ставили на кон.

Если верить преданиям, то в XVIII веке «Око Свист-скакуна» приносил удачу в игре императрицам Екатерине I, Анне Иоанновне и Елизавете Петровне. Его пытались купить знаменитые авантюристы Сен-Жермен и Казанова. Некоторое время таинственным самоцветом владели поэт и дипломат Антиох Кантемир, фаворит императрицы Елизаветы Алексей Разумовский, светлейший князь Григорий Потемкин, граф Николай Шереметев.

Конечно, это далеко не полный список владельцев «Ока Свист-скакуна» – «Фиолетовой удачи». Возбудив к себе интерес и любопытство в великосветских русских салонах, породив немало слухов, этот амулет исчез из поля зрения современников в начале XIX века...

С той поры об аметисте «Око Свист-скакуна» упоминалось лишь в одном московском предании: якобы камень спрятан в подземелье под бывшим ювелирным магазином на Кузнецком мосту, рядом с доходным домом Первого Российского страхового общества.

Поэт и дипломат Антиох Кантемир некоторое время владел самоцветом «Око Свист-скакуна»

Владелец магазина – ювелир, выиграв в карты огромные деньги, поклялся больше не ввязываться в азартные игры. А чтобы не было соблазна, положил «Око-Свист скакуна» в шкатулку и спрятал в подвале.

Светлейший князь Григорий Потемкин

Во время Первой мировой войны о легендарном аметисте услышал московский шулер Саня Карабас. И вбил себе в голову, что надо обязательно добыть «Фиолетовую удачу». Стал собирать нужные сведения и о самоцвете, и о подземельях Кузнецкого моста.

Ювелирный магазин к тому времени закрылся, а пустующее помещение заколотили.

Опасаясь насмешек со стороны коллег, если дело не выгорит, Карабас отправился на поиски тайком от них. В помощники нанял себе одного забулдыгу с Сухаревки. Тот много лет провел в московских подземельях, разыскивая клады.

Раздобыв необходимые инструменты, охотники за «Фиолетовой удачей» отправились на Кузнецкий мост, к доходному дому Первого Российского страхового общества.

Бывший ювелирный магазин, по слухам, имел общий подвал с доходным домом.

Наверное, Карабас до этого выяснил, как проникнуть в подземелье и в каких коридорах искать легендарный аметист.

Но удачное начало еще не означает победу. Проникнуть в нужный подвал охотники за «Фиолетовой удачей» сумели, а вот назад уже не вернулись.

Спустя несколько месяцев Карабаса и его помощника обнаружили мертвыми в одном из переходов подземелья. Рядом валялась пустая шкатулка старинной работы. Кто-то уложил охотников за «Фиолетовой удачей» двумя револьверными выстрелами.

И снова – легендарный аметист?..

В девяностых годах прошлого столетия несколько московских казино посетила загадочная дама. Имени ее ни игроки, ни обслуживающий персонал не знали и не смогли выяснить. Женщина была модно и со вкусом одета и держалась уверенно. Из ее украшений привлекал внимание прекрасный аметист на золотой цепочке. Знаток сразу определили, что это очень старое ювелирное изделие.

Одинокой незнакомке так везло в игре, что за ней пристально стали наблюдать служители казино. Однако ничего предосудительного не заметили. Правда, обратили внимание на то, что перед каждой игрой она поглаживала указательным пальцем свой фиолетовый самоцвет.

Удачливая незнакомка не долго посещала московские казино. Уехала ли она из столицы или ей наскучило играть? Был ли на незнакомке именно самоцвет «Око Свист-скакуна» или просто похожий на него аметист? На это даже самые проницательные завсегдатаи и служители казино не знают ответа.

Возможно, где-нибудь, когда-нибудь старинный амулет еще проявит себя...

Московский мастер Щелка

«Ознаменованный величием»

В 1462 году Московский великокняжеский престол занял двадцатидвухлетний Иван III. Именно ему первому русский народ даст многозначительное прозвище Грозный. Лишь почти век спустя так станут именовать и его внука и тезку – царя Ивана Васильевича.

22 января 1440 года – в день, когда появился на свет великий князь Иван III, – новгородский инок Симеон бился в истерике и пророчил: «Вижу младенца, ознаменованного величием: игумен Троицкой обители, Зиновий, крестил его, именуя Иоанном! Слава Москве: Иоанн победит князей и народы. Но горе нашей отчизне: Новгород падет к ногам Иоановым и не встанет!..»

А ведь прав оказался истеричный инок. Иван III действительно окажется победителем русских земель, талантливым государственным деятелем и полководцем. Он сумел присоединить к Московскому великому княжеству и Новгород с его обширными землями, и Тверское великое княжество, и Вятскую и многие другие земли. В 1480 году было окончательно свергнуто монголо-татарское иго.

Как говорили в те времена: «Русь распрямилась и свободным взором окидывала свои границы и владения».

Ум и талант Ивана III отнюдь не смягчали его суровый нрав. Так же, как и многие другие правители стран Средневековья, он безжалостно расправлялся с врагами: бросал в темницы, стриг в монахи, подвергал пыткам и казням тысячи именитых и незнатных людей.

Современники отмечали, что даже от его взгляда люди теряли дар речи и падали в обморок.

«Не хотим Иоанна!..»

Во время правления Ивана III боярско-купеческая верхушка Великого Новгорода, опасаясь потерять свое политическое и экономическое могущество, заключила договор с королем польским и великим князем литовским Казимиром IV. Согласно этому договору, Новгород со всеми своими землями должен был войти в состав Литовского государства.

В 1470 году, по свидетельству летописцев, страшные знамения потрясли жителей Новгорода: «... сильная буря сломила крест Софийской церкви, древние колокола в монастыре на Хутыне сами собою издавали печальный звук, кровь являлась на гробах...».

В труде «История государства Российского» Николай Михайлович Карамзин писал о тревожных событиях того времени в Великом Новгороде: «Вопреки древним обыкновениям и нравам славянским, которые уделяли женский пол от всякого участия в делах гражданских, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшего посадника Исаака Борецкого, мать двух сыновей, уже взрослых, именем Марфа, предприняла решить судьбу отечества.

Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство. Народные чиновники сходились в ее великолепном, или по тогдашнему, чудном, доме пировать и советоваться о делах важных».

Далее Карамзин отмечал: «...недовольная всеобщим уважением и тем, что великий князь, в знак особенной милости, пожаловал ее сына Дмитрия в знатный чин боярина московского, сия гордая жена хотела освободить Новгород от власти Иоанновой и, по уверению

летописцев, выйти замуж за какого-то вельможу литовского, чтобы вместе с ним господствовать именем Казимировым над своим отечеством.

...Ее сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленным сонмом людей подкупленных, явились на вече и торжественно сказали, что настало время управиться с Иоанном; что он не государь, а злодей их; что Великий Новгород есть сам себе властелин; что жители его суть вольные люди и не отчина князей Московских...»

Нешуточные страсти разгорелись на вече. Перебивая выступавших приверженцев единения с Москвой, сторонники Марфы-посадницы требовали: «Не хотим Иоанна! Да здравствует Казимир!.. Да исчезнет Москва!..»

Но многие новгородцы отчаянно сопротивлялись и возражали им: «Братья, что замышляете? Изменить Руси и православию?.. Поддаться королю иноплеменному и требовать святителя от еретика латинского?.. Вспомните: наши предки славяне добровольно вызвали Рюрика из земли Варяжской... Более шестисот лет потомки законно княжили на престоле новгородском... Мы обязаны истинною верою святому Владимиру, от коего происходит великий князь Иоанн!..»

Мастер из Первопрестольной

Пока в центре Новгорода бушевали страсти и одни кричали «Хотим к Москве православной!», а другие – «Новгород – государь наш, а король – покровитель!», могущественная Марфа Борецкая принимала необычного гостя.

Происходило это не в ее известном всему городу великолепном доме, а в скромной избе на Неревском конце Софийской стороны.

Вряд ли кто-то в Великом Новгороде знал его настоящее имя. Появился он здесь по приглашению Марфы Борецкой, и, как ни странно, – из нелюбимой ею Москвы. Звали его – колодезник Щелка.

Славился он умением сооружать тайники, секретные колодцы, лазы, подземные лабиринты. Изобретал также и мудреные капканы и опасные ловушки для тех, кто зарится на чужое добро и охотится за спрятанными сокровищами. Знал московский мастер и множество волшебных заговоров, делавших клады недосыгаемыми.

Много лет он трудился в Замоскворечье, на Поварской, на Арбате, в Китай-городе, на Ордынке. Добрый слух о нем перешагнули стены Первопрестольной, и пошли ему приглашения из других городов и княжеств.

Сообщила Марфа мастеру Щелке, что ее муж, Исаак Андреевич Борецкий, почувствовав скорые недобрые времена, приказал пару лет назад соорудить четыре тайных подземелья. Три – для обмана любопытных и охотников до чужого добра, одно – «истинное». В нем посадник намеревался спрятать свое золото, серебро и самоцветы.

В основном работы эти были завершены еще год назад, но не полностью. Подземелья прорыты и обложены нетесанным камнем, а вот «укромник» для захоронения сокровищ местные мастера не успели сделать.

Марфа прекрасно понимала, что ее предусмотрительный супруг просто не доверял новгородским умельцам оборудовать потайное место. Вот и решила она пригласить человека издалека – даже из ненавистной ей Москвы. Выполнит тот свою работу, удалится из города и унесет с собой тайну «укромника».

Пообещала Борецкая хорошо заплатить мастеру и поставила ряд условий. Во всех ее подземельях построить колодец и на каждый составить особый заговор от кладоискателей, который будет известен только самой Марфе.

Дело было знакомо Щелке, и он принялся выполнять волю посадницы.

«Найти, взять и правильно распорядиться»

Наверное, с тех пор, как появился обычай прятать сокровища, люди изобретали заговоры и для «защиты» ценностей, и для «завладения» ими.

Известный писатель и этнограф XIX века Сергей Васильевич Максимов собрал немало преданий и народных примет, связанных с сокровищами. «...Образовалась целая своеобразная наука о различных способах отрывать и находить клады, – писал он. – Для получения клада надо, прежде всего, знать зарок, с которым он положен, а эти заклания настолько капризны, что без записей или подсказов знающих людей невозможно и приступить к делу».

Далее Максимов описывал различные способы нахождения и защиты драгоценностей: «Разбойники обычно зарывали свои сокровища на „сто голов человеческих“, но значение этого заклания мудрено отгадать: сотому ли дураку приходится, чтобы дались те деньги на голодные зубы, или следует самому быть разбойником, чтобы загубить сто человек, прежде чем взяться за заступ.

Бывают на клады и такие мудреные заклания: „Попадайся клад доброму человеку в пользу, а худому на гибель“ – или еще: „Тому это добро достанется, кто после моей смерти тотчас же голым попляшет“; зарывают и на человека определенного имени...

Для заурядных искателей чужого добра исстари существуют могущественные средства, при помощи которых можно одновременно узнать и место нахождения клада, и способ добычи его. Беда только в том, что эти средства даются нелегко. Таковы цвет папоротника, разрыв-трава, шапка-невидимка и косточка-счастливица...

Сверх таинственных обрядов и сложных приемов, из которых ни одного нельзя позабыть, для искателей кладов придуманы еще заговоры и даже молитвы... „Пойду в чистое поле, во леса дремучие, за черные грязи, через океян-море...“, „За болотом немного положено – мне приходится взять. Отойти же ты, нечистая сила, не вами положено, не вам и стеречь“... В самодельных же молитвах, придуманных для раскрытия клада, рассчитывают на то, чтобы силою слова и знаменем креста сокрушить нечистую силу, приставленную сторожить клад...»

Максимов отмечал, что издавна люди верили: важно не только найти сокровища, но и суметь их взять и правильно ими распорядиться.

«Иным счастливым не надо ни молитв, ни заклинаний, ни вызывных книг, ни руководителей – к ним сами клады напрашиваются; а у иных неудачников уже найденные, открытые – из рук уходят, не даются. Чтобы взять клад, надо знать известную сноровку. Если клад, выходя из-под земли, превращается в какое-либо животное или даже в человека, то надо его ударить наотмашь левой рукой со словами „аминь, аминь, рассыпья“. Без этого кладом не овладеешь...

Роют двое, сговорившись поделиться поровну, да стоит одному подумать про себя, как бы нарушить договор, – и тотчас же полуоткрытый клад загремит и провалится. Иные даже домой принесут открытое с намерением исполнить зарок, предписывающий сделать какое-нибудь пожертвование, но, залюбовавшись сокровищем, спрячут до доброго случая, а потом раздумывают: у таких, вместо денег, оказываются либо черепки разбитого горшка, либо стеклянные верешки от бутылки...»

Конечно, сам Сергей Максимов относился с иронией к подобным суеверным способам поиска и защиты кладов. Но тщательно записывал, поскольку считал их неотъемлемой частью устного народного творчества.

Наверное, подобные способы, за четыре столетия до этнографа Сергея Максимова, хорошо знал и московский мастер Щелка, и многие его коллеги из Первопрестольной.

И надеялась, и готовилась к худшему

В июне 1471 года государь собрал войско и направил его на Великий Новгород. Участие в походе приняли ратники из различных русских земель.

У реки Шелони 14 июля состоялось решающее сражение. Против пятитысячного войска Ивана III выступило сорокатысячное ополчение новгородцев. Ратники великого московского князя были лучше подготовлены, организованы и выиграли сражение. Почти 12 тысяч новгородцев было убито и 2 тысячи попало в плен.

Тем временем другой отряд Ивана III разгромил вражеское ополчение на реке Северная Двина.

После такого сокрушительного поражения новгородская республика стала зависимой от Русского государства. Иван III и его приближенные подготовили документы о присоединении Великого Новгорода со всеми его обширными землями к России.

Тогда же, в июле 1471 года, старший сын Марфы посадницы Дмитрий был схвачен и казнен вместе с другими руководителями антимосковского выступления.

Борецкая понимала, что вскоре может настать и ее печальный черед. Возможно, она могла бы бежать к королю Казимиру. Но тогда несметное богатство посадницы перешло бы в казну ненавистного ей Ивана III.

Марфа осталась в Новгороде. С одной стороны, она еще надеялась на возврат старых порядков и пыталась этому способствовать, с другой – торопила мастера Щелку. Прятать же золото, серебро и самоцветы надо было при любом политическом раскладе.

В самом Новгороде жить становилось все опасней. Участились случаи грабежей, мародерства, поджогов, нападения на именитых людей. Городская стража и вооруженные слуги знати не всегда могли защитить от кровавой преступности.

Пустить по ложному следу

Марфа и ее сторонники не смирились со своим новым положением. Снова звучали их призывы: «Не хотим Иоанна! Да здравствует король Казимир! Да исчезнет Москва! Умрем за свободу и святую Софию!..»

Дошло дело до того, что приверженцы литовского короля убили в Новгороде нескольких сторонников Ивана III.

Снова московский государь направил в поход свое войско. В ноябре 1477 года Новгород оказался блокированным и спустя пять недель сдался.

Непокорная Марфа Борецкая была тут же схвачена. Как отмечалось в летописи от 2 февраля 1477 года: «...Того же дни в понедельник в Новгороде первыя недели поста велел князь великий поимати боярыню новгородскую Марфу да внука ее Василия Федорова сына Исакова...»

Февраля в 7 день велел князь великий отвести к Москве поиманных новгородцев: Марфу со внуком...»

В Первопрестольной Борецкую допрашивали. Интересовались спрятанными золотом и самоцветами. Согласно преданию, она выдала лишь 3 из 4 своих «колодцев-укромников». Понятно, что Марфа сообщила лишь о так называемых «пустых» колодцах.

Случилось ли подобное на самом деле, или это – всего лишь московская легенда, но в заточении посадница пила воду из колодца, который когда-то выкопал сам Щелка на территории Кремля.

Когда царевы посланники проверили ее показания о трех укромниках и ничего не нашли, то развели руками: ну какой теперь с нее спрос? О колодцах с добром посадницы

знали многие. Тут же сторонники Марфы пустили слух: пока сама хозяйка сокровищ находилась под стражей, богатства ее отыскали и унесли новгородские лиходеи...

Попробуй это опровергнуть...

А Марфа в заточении лишь порадовалась: не зря велела Щелке строить аж четыре потайных колодца. Слух о ее спрятанных сокровищах все равно просочится. Так пусть же охотники за чужим золотом и самоцветами пойдут по ложному следу!.. А там, глядишь, произойдут перемены и можно самой воспользоваться добром.

Но вскоре по приказу Иоанна III ее сослали в Нижний Новгород и постригли в монахини.

Сокровища еще не найдены

А что произошло с московским мастером Щелкой? О нем сохранилась лишь легенда. Кровавое, жуткое предание...

Так и не вернулся он на свою родину – в Первопрестольную.

Когда войска Иоанна III осадили Новгород, Марфа-посадница, опасаясь, что мастер попадет в плен и выдаст место захоронения сокровищ, якобы решила на страшное преступление. Она самолично заколола Щелку ножом, а потом замуровала в четвертом «колодце-укромнике» – там, где был спрятан клад.

Не известно доподлинно, в каком году родилась и когда приняла смерть Марфа Борецкая. Согласно преданию, каким-то образом под ее именем была похоронена другая монашенка. А сама непокорная посадница переделалась в мужскую одежду и направилась в родной Великий Новгород.

В те времена подобное переодевание считалось большим грехом. А допустившие его приравнивались к нечисти и привидениям.

Так что когда среди жителей Новгорода пошел слух, будто в подземельях блуждает в мужском одеянии Марфа, люди не знали, считать ли ее живым человеком либо призраком.

Покорение Новгорода Иваном III в 1478 г. Высылка Марфы Посадницы, знатных новгородцев и вечового колокола

По-видимому, Щелка хорошо выполнил свою работу. Он не только построил неприступный тайник, но и наложил заклятие на сокровище. Да такое, что ни привидение Марфы-посадницы, ни многочисленные кладоискатели не могут найти драгоценности вот уже более пяти веков.

Впрочем, у привидений век долог, да и у любителей чужих сокровищ энтузиазма не поубавилось в наши дни.

Тайна гагаринских сокровищ

Хозяин Сибири

Во времена правления царей Михаила и Алексея Романовых на Тверской улице появились богатые боярские и княжеские терема и палаты.

В начале XVIII века здесь были построены дворцы знатных русских фамилий: Демидова, Долгоруких, Трубецкого и других. Но даже среди этих дорогих сооружений выделялся красотой и богатством дом князя Матвея Петровича Гагарина.

Петром I он был назначен сибирским генерал-губернатором. Современники называли его одним из самых богатых людей в Российской империи.

Конечно, и до Матвея Петровича, и после государственные мужи брали взятки, но размах во мздоимстве сибирского генерал-губернатора поражал всех.

Примерно в 20-х годах XVIII века о Матвее Гагарине даже сложили весьма нелестную песню:

Как по речке, по реке тут пятьсот стружков плывут,
А на всяkiem стружечке по пятисот человек.
Они едут в веслы бьют, сами песенки поют,
Разговоры говорят, князя Гагарина бранят:
«Заедает князь Гагарин наше жалованье,
Небольшое, трудовое, малоденежное.
Со всякого человека по пятнадцати рублей.
Он на эти-то на денежки поставил себе дом...»

Как видно, задержка зарплаты и обворовывание своих сотрудников были присущи не только нынешним директорам, бизнесменам, дельцам.

Далее в этой обличительной народной песне шло описание скорее всего московского дворца Гагарина:

...За мучным большим рядом, потолоче хрустальной,
А парадное крылечко белокаменное,
Белокаменное, стены мраморные,
Стены мраморные, пол-ат лаком наведен,
По фонтану ведена, жива рыба пущена,
Жива рыба пущена, кроватушка смощена.
Как на этой кровати сам Гагарин-князь лежит,
Сам Гагарин-князь лежит, таки речи говорит:
«Уж и дай, Боже, во Сибири послужить, в Москве
сладко пожить,
Я не лучше бы, не хуже государева дворца,
Только тем разве похуже – золотого орла нет».
Уж за эту похвальбу государь его казнил...

Конечно, не «за похвальбу», а за невиданное по масштабам мздоимство князь Матвей Гагарин действительно по приказу государя Петра Алексеевича был казнен. Произошло это в 1721 году.

Замурованные землекопы

В Москве много лет ходили слухи, что когда сибирский генерал-губернатор возводил на Тверской улице свой дворец, то приказал доверенным землекопам проложить тайный ход из подвала в подземелье. Когда эта работа была выполнена, Гагарин заставил землекопов обследовать ближние от его дома подземные ходы и составить карту.

Неизвестно, справились ли работники с этим поручением, но больше их никто не видел. Среди гагаринской челяди пошли тихие разговоры, будто их барин самолично замуrowал в подвале трех землекопов: опасался, что они разгласят план подземелья.

Тайну не выдал

Друзья предупредили князя о сгущающихся над ним тучах и желании государя наказать его.

Матвей Петрович понял: расправа будет жестокой. Но все же он надеялся, что до смертной казни дело не дойдет.

Все вывезенные из Сибири золото, драгоценные камни, богатый архив Гагарин самолично закопал в подземельях двух своих домов в Москве и в Санкт-Петербурге.

Когда подвешенному вниз головой в пыточных застенках Гагарину прокалывали раскаленным шилом руки и плечи, он кричал, что на преступления его толкал какой-то «шестирукий дьявол из подземелья».

Но даже под пытками Гагарин не выдал тайну своих сокровищ.

«Макар прошел – чью-то душу увел»

Болезнь по имени «алчность»

Как уже не раз упоминалось, духи и всякая нечистая сила то веками сидят на одном месте, то вдруг начинают кочевать по разным странам и эпохам. Ну, если не они сами, то, по крайней мере, – легенды о них.

Скупой рыцарь

Древняя Греция и современные московские подземелья... Что может быть у них общего?

По утверждению знатоков тайн, дух алчности – «неприкаянная тень Макара» – переместился к нам именно из Элады. И какая нелегкая перенесла его с теплых, солнечных берегов Средиземноморья в сырой мрак московских подземелий?..

Давным-давно известно, что драгоценные металлы и камни объединяют и разъединяют людей, одних делают счастливыми, других – несчастными и даже порождают знакомую всем народам болезнь – алчность!..

Она разрушает душу и тело или вовсе отбирает жизнь. Приход ее порою неприметен. Перешагнув некий психологический рубеж – и ты во власти этой беды. Страсть обладать золотом и самоцветами поработывает человека и все его интересы, желания, устремления.

Как метко описана эта психологическая болезнь у Александра Пушкина в «Скупом рыцаре»:

Да! если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп – я захлебнулся б
В моих подвалах. Но пора.
Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, впадаю в жар и трепет,
Не страх (о нет! кого бояться мне?
При мне мой меч: за злато отвечает
Честной булат), но сердце мне теснит
Какое-то неведомое чувство...
Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе...

Открывая сундук с драгоценностями, Скупой рыцарь восклицает:

Вот мое блаженство!..

И склонившись над своими сокровищами, продолжает:

Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И всех их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блещущие груди.

.....

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!
Я царствую... но кто вослед за мной
Приимет власть над нею?..

.....

Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне

Все это стоило?..

Психическая болезнь, именуемая алчностью, может одолевать человека медленно, а может поразить мгновенно. Внезапно найденные сокровища, неожиданно свалившееся богатство нередко наносят сокрушительный удар по психике «счастливчика». В считанные минуты нормальный человек превращается в «скупого рыцаря», раба «чарующего сияния» и уже не имеет сил и желания излечиться от подобной болезни.

Недобрая примета

Подтверждение этому можно встретить и в старинных легендах, и в современных произведениях литературы и искусства.

В Западной Европе, в Сибири, на Аляске, среди московских землекопов и тех, кто связан с подземельями, даже в XX веке существовала недобрая примета: появление тени Макара. Странно, что о ней говорили и вспоминали в разных концах света.

Зловещая тень могла возникнуть на стенах подвалов, шахт, колодцев, переходов, пещер, – то ясно видимая, то едва заметная, но всегда, как отмечали свидетели, в ней ощущалась некая роковая неотвратимость.

Заметив ее, бывалые люди обреченно говорили: «Макар прошел – чью-то душу увел», «Из подземелья, может, живыми и выберемся, а счастье упустим»...

Кто он, откуда появился и как возникла в разных частях света примета, связанная с ним?

Веселье и гнев Диониса

Если верить преданиям, начиналась история недоброй тени Макара в давние времена, вдалеке от Москвы.

Дионис

Более двадцати пяти веков назад на острове Лесбос в Эгейском море главным городом была Митилена. Славилась она своими богатствами и плодородными землями в окрестностях, умелыми торговцами и мореходами.

Еще до Пелопоннесской войны 431–404 годов до н. э. в центре Митилены, у желтого камня Оргий, находился храм Диониса.

Это божество у древних греков олицетворяло земледелие, виноградарство и виноделие. А еще Дионис властвовал над пещерами, колодцами, кладами и был главным предводителем пьяного веселья и оргий и нередко в мифологии противопоставлялся Аполлону и Гефесту.

Непоседливый Дионис любил бродить по свету, насаждать у разных народов свой культ и обучать всех виноградарству и виноделию. Каждое его появление в той или иной области ойкумены ознаменовывалось оргией.

Шествовал Дионис в сопровождении преданной ему толпы вакханок, менад, сатиров, силенов. В руках бог держал золотой жезл – тирс, украшенный драгоценными камнями. У его буйной свиты были тирсы попроще: из серебра, дерева или бронзы, но обязательно – увитые плющами.

Одеяние полуобнаженных, пьяных менад состояло из пятнистых оленьих шкур и задушенных змей. В безумном восторге они били в тимпаны и вопили: «Вакх, Эвое! Вакх, Эвое! Да не прекратится вечный праздник! Веселитесь, безумствуйте все!..»

Тех, кто не разделял их восторгов и не кланялся почтительно Дионису, менады и сатиры лупили тирсами и проклинали. Они также ловили животных, разрывали на части и пили кровь. А иногда приносили своему божеству человеческие жертвы.

Сам Дионис любил освобождать людей от мирских забот, веселил их и угощал вином. Он разрешал своим почитателям не выполнять финансовые обязательства и не возвращать долги.

Но порой это развеселое божество не на шутку гневало. То ли у него с похмелья болела голова и не было под рукой вина, то ли провинившиеся совершали уж очень серьезные проступки.

Даже своего кузена, фиванского царя Пенфея, Дионис не пощадил. Наказание было изощренным, достойным современных мистических триллеров.

Пенфей хотел запретить в своих владениях вакханические оргии. За это Дионис наслал безумие на его мать Агаву. Всю ночь она пила вино, плясала с менадами, билась в экстазе, а утром вымазала свое лицо и тело человеческой кровью и во главе почитательниц Диониса кинулась ко дворцу Пенфея.

Агава приняла своего сына за козленка и растерзала его с помощью вакханок. Видно, здорово помутил ей разум бог виноделия.

Не менее страшное наказание постигло сына царя эдонов – Ликурга. Он неодобрительно высказался об оргиях Диониса. Бога это очень обидело. В результате Ликург сошел с ума, а затем был растерзан собственными лошадьми. Не растоптан, а именно растерзан!..

В общем, умел Дионис манипулировать сознанием людей, сводить с ума, насыпать на них алчность, зависть, приступы злобы и другие душевные отклонения.

Жрец из Митилен

Макар много лет прилежно поклонялся Дионису. Каждое утро, отправляясь в храм, он исправно клал на камень Оргий лозу или кисть винограда и окроплял его вином. При этом не забывал и себя. Три глотка напитка Диониса на рассвете, девять – когда солнце стояло высоко над головой, и двенадцать – на закате. Ну, а с наступлением темноты пил Макар столько, сколько нашептывал ему сам бог плодоносящих сил земли.

Но однажды митиленский жрец, подрабатывая торговлей и ростовщичеством, из-за выгодной сделки не принял участие в вакханалии Диониса. Бог раздосадовался и наказал жреца. Не помогли тому годы верного служения.

Ночью в храм к Макару явился давний знакомый – торговец из Акарнании. Принес он тяжелый мешочек золота и попросил его сберечь. Жрец согласился. А потом взглянул на драгоценности, на пустой храм, и сделалось ему горько на душе. Так горько, что, долго не раздумывая, схватил Макар тяжелый тирс и стукнул по голове доверчивого акарнийского торговца.

Тут же в храме, не долго думая, и закопал труп. А потом жрец стал пересчитывать доставшееся ему золото. Но, прослышав о преступлении, разгневанный Дионис уже занес над ним свой драгоценный тирс. Нет, бог не стал бить своего почитателя по голове. Он, как всегда, придумал нечто более изощренное.

Драма у алтаря

Взмахнул рукой Дионис, – и сыновья Макара внезапно обезумели. Кинулись они друг на друга, и старший зарезал младшего прямо на домашнем алтаре. Увидев это, супруга жреца тоже сошла с ума: выхватила из огня полено и огрела им старшего отпрыска. Рука у мамыши оказалась тяжелая, и рядом с трупом одного сына рухнул труп второго.

Как раз в это время появился радостный и ошалевший от внезапно свалившегося на него богатства Макар. Мгновенно оценив обстановку, он снова пустил в ход свое излюбленное оружие. Удар – и жена с проломленной головой присоединилась к сыновьям.

Видимо, лишение разума было самой частой мезтью бога виноделия.

На шум и крики примчалась городская стража. Макара скрутили.

Случись эта драма в наше время, жрец, наверное, заявил бы в средствах массовой информации, что его «подставил» сам Дионис. Но в Древней Греции подобное было невозможно. Боги в ту эпоху сами собирали и распространяли информацию и быстро соображали, кто кого и за что «подставил» и, не мешкая, наказывали провинившихся.

Под пытками жрец признался в убийстве торговца из Акарнании, но где спрятал золото – не сказал. Макара приговорили к смерти. Перед казнью он сообщил в молитве своему божезству, что драгоценности акарнанийца завещает на строительство храма Диониса в далеких северных землях.

Покровителя вакханалий и плодоносящих сил это немного смягчило. Самого Макара он не спас от казни, зато сделал вечной и свободной его тень. И мало того, поручил ей надзирать за всеми, кто спускается в подземелья, искателями кладов и добытчиками драгоценных металлов и камней. Зачем это понадобилось Дионису? И в прошлом, и в наше время поступки бога виноделия с трудом поддавались пониманию.

«Не губи только душу и тело»

И отправилась тень Макара на вечное скитание в северные земли. Туда, где, по замыслам жреца, должен был появиться храм Дионису. Шастает неприкаянная тень по пещерам Аляски, Сибири, Скандинавии, по московским подземельям. То ли достойного места для храма никак не выберет, то ли средств на строительство нового еще не собраны.

Бывалые люди, заметив в каком-нибудь подземелье непонятного происхождения искры, говорили: «Это сверкают камушки на жезле Макара...»

Опасались они удара тем жезлом и старались умиловить вечную тень. Оставляли в подземелье какой-нибудь предмет и съестные припасы.

Во время «золотой лихорадки» в XIX веке на Аляске у золотоискателей была даже песня:

Пей, старый Мак!
Нам вовсе не жалко.
Не губи только душу и тело.
Пей, старый Мак!
Не майся. Хоть на вечер
Оставь свои козни.
Пей, старый Мак!
Не губи только душу и тело...

Золотоискатели верили, если не откупиться от тени Макара, то нашьлет она непомерную, до безумия, алчность, и тогда лучшие друзья могут перерезать друг друга всего лишь из-за песчинки желтого металла.

Подобные поверья ходили и среди русских старателей, горнорабочих, копателей колодезцев, охотников за сокровищами. Даже некоторые «несознательные» московские метростроители в начале 30-х годов опасались Макара.

Бывалые, суеверные старики рассказывали молодым жуткие истории о кровавых проделках тени и о страшных ударах драгоценного жезла, от которых люди на почве жадности сходили с ума либо сразу умирали или терялись в подземельях.

А если новичок вдруг заинтересовывался, не о том ли Макаре идет речь, который то ли гонял, то ли не гонял неведомо куда телят, старики ехидно советовали: «А ты сам спроси у тени Макара...»

Правда, привередливые материалисты утверждают, что рассказы о неприкаянной тени митиленского жреца – всего лишь байки для запугивания искателей сокровищ в подземельях, старателей и исследователей пещер. Но этим материалистам дай только волю – и они любую правдивую мистическую историю обсмеют да на свой лад перескажут.

Купец-ростовщик

Владимир Гиляровский вспоминал, что в восьмидесятых годах XIX века в Черкасском переулке, в доме ростовщика и купца Карташева, располагался трактир.

«Во втором зале этого трактира, в переднем углу, под большим образом с неугасимой лампадой, за отдельным столиком целыми днями сидел старик, нечесаный, небритый, редко умывающийся, чуть не оборванный... К его столику подходят очень приличные, даже богатые, известные Москве люди. Некоторым он предлагает сесть. Некоторые от него уходят радостные, некоторые – очень огорченные...»

Это был владелец дома, первогильдейский купец Григорий Николаевич Карташев. Квартира его была рядом с трактиром, в ней он жил одиноко, спал на голой лежанке, положив под голову что-нибудь из платья. В квартире никогда не натирали полов и не мели.

Ночи он проводил в подвалах около денег, как „скупой рыцарь“.

...В подвалах стояли железные сундуки, где вместе с огромными суммами денег хранились груды огрызков сэконовленного сахара, стащенные со столов, куски хлеба, баранки, веревочки и грязное белье.

Найдены были пачки просроченных векселей и купонов, дорогие собольи меха, съеденные молью, и рядом – свертки полуимпериалов более чем на 5 тысяч рублей. В другой пачке – 150 тысяч кредитных билетов и серий, а всего состояния было более 30 миллионов».

В восьмидесятых годах XIX века – сумма невероятная! Для сравнения: начинающий чиновник в те времена получал 15–20 рублей в месяц.

Изумляясь жадности Карташева, старухи из Черкасского переулка предрекли купцу, что перед смертью к нему явится «Неприкаянная тень Макара» и будет мучить и выпрашивать, где спрятаны драгоценные камни.

Узнав об этих пророчествах, Карташев лишь посмеялся:

– Шиш какая-то неприкаянная тень дознается о моих сокровищах! Они у меня так припрятаны, глубоко под землей, что и Макара не отыщет...

Зря старый скряга похвалялся. Богатство надежно спрятать в московском подземелье можно, а вот слухи о них – не утаишь.

Нашлись в Первопрестольной люди, которые не только заинтересовались сокровищами Карташева, но и решили добыть их.

«Спроси с Макара»

Многие проживавшие в Черкасском переулке знали, что под квартирой у первогильдейского купца есть подвал в полу, вход куда скрывает потайной люк. Под этим люком начинается лаз в московские катакомбы. Там-то Карташев и прятал драгоценные камни.

Каждую ночь купец спускался в свой подвал, а оттуда – глубоко в подземелье, чтобы проверить свои сокровища, прикоснуться к ним, пересчитать.

Однажды, когда Карташев принимал днем в трактире клиентов, воры отвлекли его дворника и проникли в квартиру, а затем – в подzemелье, где хранилась большая шкатулка с драгоценностями.

Ночью купец обнаружил пропажу. А на стене подzemелья – надпись: «Спроси с Макара». От сердечного приступа Карташев еле смог подняться в квартиру. Вначале он охал и стонал, а потом вдруг затрясся в истерическом смехе.

Единственный присутствующий при этом дворник не на шутку перепугался. Подумал: спятил хозяин с горя.

А Карташев, наконец, пояснил:

– Я и тень неприкаянную обману... И любого разбойника вокруг пальца обведу... Лихие людишки только одну шкатулочку заграбастали, а остальные – не смогли отыскать...

С этими словами Карташев и умер. После его смерти немало охотников за сокровищами проникали в подzemелья в Черкасском переулке, но шкатулки с драгоценностями не нашли.

В начале XX века дом Карташева был снесен, подвал с люком в подzemелье засыпан. Поиски сокровищ первогильдейского купца вроде бы прекратились. Но старухи из Черкасского переулка еще много лет жаловались, что «Неприкаянная тень Макара» шляется по подвалам их домов.

«Делиться надо»

Стремительно меняется облик Москвы – и наземной, и подземной. А тайн от этого не становится меньше. Наоборот, за каждым новым открытием, за каждой новой разгадкой их возникает все больше и больше. Да и атеистический раж москвичей так и не одолел мистику нашей столицы.

Вот и «Неприкаянная тень Макара» – вестник алчности – никуда не исчезла, не испугалась научно-технического прогресса.

Нет-нет да и объявится она в подвалах современных банков, в складских помещениях, на подземных секретных объектах и в гаражах, в метрополитене и в лабиринтах теплотрасс и прочих городских коммуникациях.

Если мистические существа сохранились в умах людей, то никакие новшества и преграды им нипочем.

Едва угасли «Прожекторы перестройки», затихли ее фанфары, как тысячи москвичей с энтузиазмом ринулись в «акулы империализма». Вскоре большинство «акул» всплыли без зубов брюхом вверх. Но кое-кто «вписался» в новую стихию рыночных отношений.

Три друга – московские инженеры и заядлые спелеологи – тоже окунулись в еще неведомые в 90-х годах для многих россиян бурлящие, мутные воды бизнеса.

Вроде бы повезло. Успешно прошли ребята челночно-ваучерный период. Как-то проскочили рифы из пуль и взрывчаток братвы, и вот уже на Таганке стали арендовать под офис, хоть и старое, однако еще приличное здание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.